

XIV годъ
№ 32

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

ОБѢЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1
Mark. 70 Rfen. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ $\frac{1}{4}$
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москву черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія ... 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднмъ 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ион. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1883 г., съ 22 рисунк. и отдѣльн. листомъ съ 24 рисунк. рукодѣльныхъ работъ и 25 выкройками въ натуральную величину.

Георгъ I, король Эллиновъ.

Послѣ бурной борьбы за свою самостоятельность, Греція 6 февраля 1830 г. объявлена была королевствомъ и установлены ея границы, а въ маѣ 1832 г., по соглашенію между Россіей, Греціей, Франціей, Австріей и Баваріей, королемъ провозглашенъ Оттонъ Баварскій и въ ожиданіи его совершенполѣтія учреждено регентство. Затѣмъ происходятъ извѣстия о событии—недовольство, уменьшеніе популярности иноземнаго короля, препирательства съ палатою; 1862 г. возмущеніе навплійского гарнизона, временное правительство, всѣ печальные эпизоды, сопровождавшіе созывъ национального собранія и отъѣздъ короля изъ Греціи, хотя и безъ формального отреченія. Тогда то национальное собраніе утверждаетъ, съ согласіемъ по указанію покровительствующихъ державъ, призваніе на престолъ принца Георга Датскаго, августѣнаго брата нашей Государыни Императрицы.

Король Эллиновъ, Георгъ I, сынъ короля Данії, Христіана IX изъ дома Шлезвигъ - Гольштейнъ - Зондербургъ-Глюксбургскаго, родился 24 декабря 1845 года.

Георгъ I, Король Греціи. Съ фот. Бергамаско, грав. Ю. Барановскій.

30 марта 1863 г. собраніе въ Аѳинахъ постановило предложить принцу стать главою греческаго королевства, на что 6 июля того же года онъ и извѣшилъ согласіе. Представители трехъ великихъ державъ—Россіи, Франціи и Великобританіи—объявили себя на сторонѣ этого избранія въ Лондонѣ, и 30 октября новый король вѣхалъ въ Пирей, а 31 октября 1863 г. вступилъ въ управление государствомъ.

Греціи онъ какъ бы въ даръ принесъ съ собою Іоническіе острова, которыхъ присоединеніе къ государству поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего согласія вступить на королевский престолъ. На это присоединеніе согласилась Англія, подъ протекторатомъ которой состояли Іоническіе острова. Греки надѣялись, что новый король устроить отношенія съ Турцией въ интересахъ страны и, дѣйствительно, во время кандіотскаго восстанія онъ сталъ на сторону кандіотовъ и твердо поставилъ вопросъ объ освобожденіи Кандіи. Однако, такъ какъ онъ не могъ вести войну съ Турцией не имѣя соглашенія великихъ державъ, то

и долженъ быть въ этомъ дѣлѣ держать нейтралитетъ и исполненіе своихъ надеждъ и надеждъ своихъ подданныхъ отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Король, какъ извѣстно, состоить въ близкомъ семейномъ родствѣ съ нашимъ Императорскимъ домомъ—мы уже говорили, что онъ братъ нашей Государыни Императрицы; 27 октября 1867 года онъ сочетался бракомъ съ Е. И. В. Вел. Кн. Ольгой

Константиновной, дочерью Е. В. Великаго Князя Константина Николаевича, которая на время коронаціи пребывала у насъ въ Россіи. Теперь у царственной четы пятеро дѣтей: наследный принцъ Константинъ, герцогъ Спартанскій (род. 1868 г.), принцъ Георгъ, графъ Корфу (род. 1869), принцессы Александра (род. 1870 г.), принцъ Николай (род. 1872 г.) и принцессы Марія (род. 1876 года).

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXV.

Посвященіе.

Аннетъ сдержала свое обѣщаніе. Съ небольшимъ чѣрезъ мѣсяцъ она приѣхала къ Нинѣ и сказала ей, что Катерина Филипповна въ Москвѣ и съ нетерпѣніемъ желаетъ скорѣе съ ней познакомиться.

— Ты знаешь, я ей все про тебя рассказала—и она находить, что ты „сосудъ избранный“, она такъ и выразилась. „Съ нею Богъ“, говоритъ—„Самъ Христосъ наставилъ ее къ познанію истины, указаль ей путь къ спасенію. никто не училъ ее—она сама дошла до того пути, на которомъ можно вознести выше всѣхъ міровъ и обрѣсти Господа“. Это она про то, Нина, что ты кружилась и ощущала поднятіе съ земли. Вѣдь и они всѣ это дѣлаютъ, а ты дошла сама, безъ указаній—не правда ли, какъ это чудесно! Какъ ты должна быть счастлива, Нина!..

Теперь Аннетъ смотрѣла на пріятельницу съ особынѣмъ уваженіемъ, почти даже съ благоговѣніемъ.

Въ назначенный Катериной Филипповной день и часъ, она повезла къ ней Нину.

Татаринова остановилась въ домѣ у какихъ то своихъ родственниковъ, которыхъ не было въ городѣ и которые предоставили въ ея распоряженіе всю свою квартиру. Она приѣхала изъ Петербурга не одна, а со своимъ младшимъ братомъ, Буксгевденомъ, красивымъ и еще довольно молодымъ офицеромъ, наружность котораго сразу располагала въ его пользу. Вмѣстѣ съ ними былъ и Пилемъ, серьезный, меланхолический человѣкъ, очень начитанный, очевидно добрый и мягкий. Онъ имѣлъ видъ и манеры нѣмецкаго пастора и его спокойное, благообразное лицо, быстро оживлявшееся какъ только заходила рѣчь о какомъ нибудь религіозномъ вопросѣ, говорило обѣ его искренности.

Кромѣ этихъ двухъ людей, Нина застала у Татариновой еще нѣсколько почтенныхъ дамъ и мужчинъ зрѣлаго возраста. Такое общество не могло не произвести самаго пріятнаго впечатленія.

Нина вошла сконфуженная, трепещущая; но милый, ласковый приемъ, ей сдѣланный хозяйкой и окружавшими ее, очень быстро прогналъ это смущеніе. Всѣ очевидно уже знали о ней, всѣ ее ждали, интересовались ею.

Татаринова имѣла приемы свѣтской женщины. Она очень легко добилась того, что Нина стала смотрѣть на нее какъ на давнишнюю знакомую, какъ на друга.

Познакомивъ Нину со всѣми, успокоивъ ее окончательно, Катерина Филипповна обратилась ко всему обществу и сказала:

— Теперь я покину васъ на короткое время, я хочу поговорить съ нашей юной сестрой. Я передамъ ей основы нашего союза и приготовлю ее къ посвященію, которое можетъ состояться сегодня же.

Она увела Нину въ свою спальню и остановилась съ нею передъ образами.

— Помолимся, дитя мое! сказала она ей тихимъ, ласкающимъ голосомъ.

Нина опустилась на колѣни рядомъ съ Катериной

Филипповной и стала молиться. Онъ обѣ молились горячо, со слезами умиленія.

Когда молитва ихъ была окончена, Катерина Филипповна достала апостольскія посланія, раскрыла книгу и, указывая Нинѣ на четырнадцатую главу первого посланія къ Коринѳянамъ, сказала ей:

— Дражайшая о Христѣ сестрица, прочти громко и со вниманіемъ пять первыхъ стиховъ.

Нина повиновалась. Она взяла книгу и медленно прочла.

— Теперь прочти это еще разъ про себя! сказала Катерина Филипповна.

Нина исполнила и это.

— Вотъ въ этихъ пяти стихахъ, продолжала Катерина Филипповна,—и заключается вся суть нашего ученикія. Люди находятся во тьмѣ, люди забыли чудеса Господа и наставленія свидѣтелей этихъ чудес—Святыхъ Апостоловъ. Церковь, хотя и именуетъ себя православной, но далеко отошла отъ истины, забыла ее. И хотя часто въ церкви читаются эти святые слова, но на смыслъ ихъ никто не обращаетъ вниманія, не держатся любви, не ревнуютъ духовнымъ, не глаголятъ языки, не пророчествуютъ...

Нина, пораженная, слушала со вниманіемъ и трепетомъ. У нея духъ захватывало отъ явившагося откровенія.

Вѣдь и она не разъ читала это посланіе и никогда не задумывалась надъ этими словами, не углублялась въ смыслъ ихъ—а онъ такъ ясенъ, такъ простъ!..

Катерина Филипповна продолжала:

— Въ первыя времена христіанства, вѣрные сыны и дщери Христовой церкви собирались очень часто и, послушные словамъ Апостола, рвениемъ духовнымъ искали соединенія со Христомъ. И Духъ Святой нисходилъ на нихъ. Они начинали говорить на неизвѣстныхъ имъ языкахъ. А дойдя до высшаго состоянія благодати—пророчествовали... глаголали человѣкомъ созиданіе, и утѣшеніе, и утвержденіе.

И этой ихъ ревностью и неустаннымъ радѣніемъ созидалась, по слову апостольскому,—церковь. Но врагъ человѣческаго спасенія селилъ уже зло великое въ человѣческія души...

Началось лукавое мудрствованіе, ересь, отступничество... Началось забвеніе истины. И теперь оно царитъ всюду, и люди ходятъ во мракѣ... Ясно ли я говорю, дитя мое, понятны ли вамъ слова мои? спросила вдругъ Катерина Филипповна, кладя свою руку на плечо Нины и глядя на нее тихими, добрыми глазами.

— Ясно, ясно! проговорила Нина.—Я слушаю всѣмъ сердцемъ, всей душою... говорите!..

Катерина Филипповна продолжала:

— Но Господь милостивъ, Онъ не хочетъ погибели человѣческой. Онъ ищетъ спасти наши души. И мнѣ грѣшной однажды, давно, очень давно уже, на молитвѣ явилось откровеніе. Какая то великая и чудная сила вдругъ потрясла меня, я поднялась, закружилась на мѣстѣ—и вдругъ передо мною разверзлось небо! Я узрѣла славу Божію, я уразумѣла непонятное!.. И вся душа моя наполнилась неизѣяснимымъ блаженствомъ...

Когда я вернулась на землю, то есть когда духъ мой снова вернулся въ мою тѣлесную земную оболочку, и все снова стала видѣть тѣлесными очами, я увидѣла передъ собою развернутую книгу посланій, незримая рука перебирала листы ея и остановилась на этомъ са-момъ мѣстѣ... Я прочла эти первые пять стиховъ четырнадцатой главы—и все поняла...

Я открылась близкимъ мнѣ людямъ, нашла въ нихъ вѣру и разумѣніе, и съ тѣхъ поръ мы собираемся и число нашихъ сестеръ и братьевъ ростетъ съ каждымъ годомъ... Намъ приходится бороться противъ людскаго невѣрія, противъ вражескихъ козней.

Мы свято хранимъ тайну нашу и исполняемъ апостольское наставленіе — ревнемъ духовнымъ, пророчествуемъ, ищемъ соединенія со Христомъ, возносимся духомъ въ небо. Мы ищемъ избранныхъ и находимъ ихъ всюду; но больше среди людей простыхъ, среди бѣдняковъ, землепашцевъ, рабовъ. И много на нашей родинѣ, да и въ иныхъ земляхъ, я полагаю, сестеръ и братьевъ единовѣрныхъ намъ, которыхъ мы не знаемъ, которые настѣ не знаютъ. Но если, по милости Божией, мы встрѣчаемся съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, то велика наша радость... И эту радость я испытываю теперь найдя тебя, возлюбленная о Христѣ сестрица! Ты избрана Христомъ, Онъ пожелалъ тебѣ открыть истину, но ты одна не могла ея достичнуть и вотъ Онъ привелъ тебя къ намъ. Будь же нашей, соединись съ нами! Скажи, моя дорогая, согласна ли ты принять посвященіе и дать великую клятву хранить въ тайнѣ союзъ нашъ?..

Нина плакала. Восторженное состояніе охватило ее.

— Согласна! согласна!! дрожащимъ голосомъ говорила она.—Клянусь Богомъ держать все въ тайнѣ! Я понимаю, что тайна необходима, потому что люди не могутъ понять этого... Я знаю, сама испытала! Они бы стали только смеяться!..

— Не только смеяться! перебила ее Катерина Филипповна,—а подвергли бы насъ преслѣдованію... Такъ ужъ и было и можетъ быть еще, если врагъ рода человѣческаго смутитъ кого нибудь изъ настѣ, сдѣлавъ его предателемъ. Поклянись же, сестра Нина, въ томъ, что ты будешь молчать о нашихъ собраніяхъ передъ своими родными и друзьями... Но въ то же время тебѣ разрешается и даже поставляется въ долгъ, косвенными путями разузнавать душевное состояніе встрѣчающихся на твоемъ пути людей. Если ты уѣдишься, что кто либо способенъ воспріять истину, то повѣдай мнѣ о томъ немедленно... Мы должны спасать людей, только необходима большая осторожность... но обѣ этомъ мы еще успѣхъ поговорить не разъ...

Она подала Нинѣ крестъ и Евангелие, предъ которыми та и поклялась, исполненная трепета и восторга.

Затѣмъ онѣ еще разъ помолились и Катерина Филипповна торжественно ввела Нину за руку къ ожидающему ихъ обществу.

Тогда было совершено общее моленіе, чтеніе молитвъ, пѣніе духовныхъ стиховъ...

Все это такъ дѣйствовало на Нину, вся эта обстановка, ея нерви были потрясены до такой степени, что она лишилась чувствъ.

Она очнулась лежащей на кровати Катерины Филипповны; но не могла открыть глазъ,—ей казалось, будто какая то тяжесть лежала на нихъ. Потомъ она услышала голосъ, говорившій ей:

„Не думай о земныхъ благахъ, не бери земного мужа... будь невѣстой Христа!.. твори благостию!“

„Твори благостию!..“ еще нѣсколько разъ повторилъ голосъ...

Наконецъ Нина, собравшись съ силами, открыла глаза. Въ комнатѣ было темно, она была одна. Но этотъ голосъ будто все еще продолжалъ звучать надъ нею. И эти слова неизгладимо врѣзались въ ея память.

Скоро къ ней пришла Катерина Филипповна и когда

она передала ей то, что говорилъ голосъ, Катерина Филипповна торжественно объявила:

— Это откровеніе! Никогда не забывай этихъ словъ и исполняй то, что свыше тебѣ заповѣдано!..

Нина вернулась со своею руководительницею опять въ ту комнату, гдѣ всѣ были собраны. Она увидѣла нѣсколько кружащихся фигуръ и вдругъ, будто помимо своей воли, стала сама кружиться. Черезъ нѣсколько мгновеній, она испытала уже знакомое ей ощущеніе—поднятіе на воздухъ, экстазъ, видѣнія, блаженное состояніе...

Когда она снова пришла въ себя, ей передали, что она говорила на какомъ то непонятномъ языкѣ. Но она ничего не помнила...

Съ этого дня, она очень часто, вмѣстѣ съ Аннетъ, стала посѣщать Татаринову.

Дядя и нѣкоторые знакомые замѣчали въ ней перемѣну. Но эта перемѣна, казалось, не была къ худшему,—напротивъ. Нина оживилась и хотя, по прежнему, иногда цѣлые дни сидѣла запершись за чтеніемъ, теперь уже исключительно книгу духовнаго содержанія, но все же, иной разъ не прочно была принять участіе въ общемъ весельи.

Катерина Филипповна запретила ей совсѣмъ удаляться отъ свѣта, и даже совѣтывала ей сходить съ людьми, такъ какъ, кто знаетъ, быть можетъ ей удастся кого нибудь и обратить на путь истины... Но Нина еще никого не обращала. Она была очень осторожна. Она боялась какъ нибудь выдать свою тайну...

Катерина Филипповна уѣхала въ Петербургъ. Уѣхала и Аннетъ со своими родными. Но дѣло было уже сдѣлано, загадка жизни решена. Нина была поставлена на ноги и къ тому же Катерина Филипповна и Аннетъ нерѣдко поддерживали ее своими письмами.

Нина рвалась въ Петербургъ, къ Татариновой. И вдругъ обстоятельства такъ сложились, что это желаніе исполнилось. Дядя умеръ. Она была очень огорчена, очень страдала, потому что отъ всего сердца любила старика. Но она нашла успокоеніе въ различныхъ разсужденіяхъ, въ молитвѣ. Она уже пріучилась смотрѣть на смерть какъ на избавленіе. Она знала, что дядя былъ человѣкъ добрый, что онъ хорошо приготовился къ смерти.

Явилось предложеніе княгини Маратовой и легко понять, съ какимъ восторгомъ Нина приняла ея приглашеніе. Самъ Богъ ей посыпалъ добрую княгиню, высшій промыселъ помогалъ ея спасенію и направлялъ ее туда, гдѣ именно она и могла получить его.

Конечно, первымъ ея дѣломъ по пріѣздѣ въ Петербургъ было посѣтить, вмѣстѣ съ Аннетъ, Катерину Филипповну.

Здѣсь, кругъ сектантовъ, собиравшихся у Татариновой, былъ значительный. Иной разъ, для молитвъ и кружений, соединялось человѣкъ до пятидесяти. Собрания происходили отъ двухъ до четырехъ разъ въ мѣсяцъ. При этомъ Катерина Филипповна имѣла обыкновеніе разсыпать братьямъ и сестрамъ свои посланія, разсказывая въ нихъ о бывшихъ ей видѣніяхъ, откровеніяхъ и тому подобномъ.

Нина очень изумилась и обрадовалась, когда въ одномъ изъ первыхъ собраний у Татариновой увидѣла князя Еспера. Его же изумленіе не было предѣла. Если бы только не глубоко сосредоточенное настроение присутствовавшихъ, то врядъ ли бы кто могъ удержаться отъ смѣха, при видѣ тѣхъ удивительныхъ жестовъ, гримасъ, которые корчилъ князь.

— Вы... вы наша сестра!? говорилъ онъ схватывая руку Нины. — О, какъ я счастливъ! А я не могъ и подозревать, и какъ странно, я ни отъ кого изъ нашихъ ни разу о васъ не слыхалъ... О, это не даромъ, не даромъ, что мы соединены въ одномъ домѣ. Это высшая благодать, намъ посланная.

Нина была съ нимъ согласна, а онъ долго не могъ ни о чёмъ другомъ думать. Онъ готовъ быль дѣйствительно повѣрить въ благодать.

Съ самаго прїѣзда, Нина произвела на него необыкновенно сильное впечатлѣніе. Онъ даже охладѣлъ къ воспитанницамъ генеральши, пересталъ съ ними шутить, даже сталъ небрежно относиться къ своимъ занятіямъ съ ними. Красота Нины его ошеломила—онъ въ нее влюбился.

Но любовь князя теперь была какая то особенная, противная. Онъ давно уже успѣлъ истратить весь запасъ здоровой страсти. Онъ глядѣлъ на женщину и на отношение къ ней не прежними глазами. Онъ ждалъ отъ женщины, которая плѣнила его, совсѣмъ не того, чего ждалъ прежде.

Очаровавшись Ниной, онъ сталъ въ тупикъ:—какъ сблизиться съ нею, какъ внушить къ себѣ довѣріе?! То, что легко было относительно наивныхъ, простенькихъ и послушныхъ воспитанницъ генеральши, то было немыслимо относительно Нины...

И вдругъ, все сложилось такимъ неожиданнымъ для него образомъ!..

Онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ оказался приверженцемъ секты Татариновой. Конечно, еслибы Катерина Филипповна, Шилецкій и другіе могли проникнуть въ его сердце и понять, какъ онъ относится ко всѣмъ этимъ обрядамъ и чего онъ въ нихъ ищетъ—они, быть можетъ, прогнали бы его съ проклятіемъ. Но, впрочемъ, могли ли бы прогнать? Онъ владѣлъ ихъ тайной, могъ оказаться доносчикомъ и надѣлать имъ большой вредъ. Шилецкій и такъ подозрѣвалъ нѣкоторыхъ братьевъ—но дѣлать было нечего.

Теперь одинъ вопросъ тревожилъ Нину—ея отношенія къ княгинѣ, которая ее такъ полюбила и которую она сама полюбила всѣмъ сердцемъ. Притворяться передъ нею, вывертываться, скрываться—это было тяжело. Она подумала, нельзѧ ли княгиню обратить на путь истины. Говорила объ этомъ съ княземъ Есперомъ, но тотъ испугался, сталъ уговаривать ее даже не касаться никогда больше этого предмета

— О, она добрая, хорошая женщина! говорилъ онъ,—но она не способна вмѣстить откровеніе, и какъ она ни добра, а можетъ превратиться въ отъявленного нашего врага. Она смеется надъ всѣмъ этимъ. Неужели вы думаете, что я не пытался обратить ее. Но я дѣйствовалъ осторожно и убѣдился, что никакими силами ничего нельзѧ съ нею сдѣлать, и я умоляю васъ, будьте осторожны, не проговоритесь какъ нибудь, Боже избави! Вы нарушите этимъ вашу клятву. А попробуйте какъ нибудь потолковать съ нею о подобныхъ вещахъ,—вы сами увидите...

И Нина дѣйствительно вскорѣ убѣдилась, что онъ правъ.

Княгиня терпѣть не могла всякой мечтательности, не вѣрила никакимъ предчувствіямъ, видѣніямъ, презирала мистическое направленіе, которое еще со временъ знаменитой Крюднеръ замѣчалось въ высшемъ петербургскомъ обществѣ.

— Это все глупости, все вздоръ, говорила она.—Крюднеръ была интриганка и ничего больше. Масоны—люди вредные, это теперь доказано. Подъ хорошими, глубокомысленными словами скрывается часто многое дурное.

Когда Нина пробовала говорить ей о своемъ дѣтствѣ, о голосахъ, которые иногда вокругъ нея раздавались, о томъ, что она поднималась на воздухъ когда кружилась, княгиня принималась смеяться.

— Ахъ, матушка, да полно же вздоръ болтать! говорила она.—Что тебѣ за охота, вѣдь это ты, пожалуй, и теперь скажешь, что полетишь когда закружишься?!

Нина такъ вся и насторожилась.

— Да, ma tante, я увѣрена, что полечу.

— Прекрасно! этакъ по твоему и я могу полетѣть?
— Можете!

— Хороша была бы картина! Представь себѣ этого слона въ воздухѣ!

Дѣйствительно, представить себѣ шарообразную, массивную фигуру княгини кружашеюся и поднимающеюся съ земли было очень комично, и Нина, не смотря на свое настроение, невольно улыбнулась.

— Да о чёмъ мы говоримъ, матушка? вдругъ возмутилась княгиня,—ты право точно сумасшедшая... тебя лечить надо. Пойди лучше переодѣнись, сдѣляемъ нѣсколько визитовъ. Меня о тебѣ уже спрашивали. Нечего все сидѣть дома да читать книжки. Ты должна бывать вездѣ, ты обязана мало по малу устроить себѣ хорошее положеніе въ обществѣ.

Въ концѣ концовъ Нина должна была убѣдиться, что спасти душу княгини и направить ее на истинный путь ей никакъ не можетъ удастся. Слѣдовательно, храня священную тайну, исполняя данную клятву, она неизбѣжно должна была скрывать отъ княгини главное содержаніе своей жизни, свои посвѣщенія Татариновой, сущность своихъ бесѣдъ съ княземъ Есперомъ и причину ихъ сближенія. Невольно, неизбѣжно она, существо правдивое и искреннее, вносила въ свою жизнь ложь, обманъ.

Ненавидя кривые пути, она должна была идти именно этими путями—хитрить, вывертываться, подвергаться страху, что вотъ-вотъ ея хитрость и ложь всплынутъ наружу и она потеряетъ довѣріе княгини, потеряетъ быть можетъ ея любовь. А вѣдь она дорожила этой доброй женщиной. Она дорожила ею болѣе, чѣмъ кѣмъ либо, хорошо понимая и зная, чѣмъ она ей обязана.

Все это ее мучило, томило; являлось какое то противорѣчье. Она и стремилась къ Татариновой и въ тоже время что то уже начинала ее оттуда отталкивать. Нѣдѣлко она не появлялась въ собраніи, а иногда рѣшалась поѣхать и обмануть княгиню, только благодаря очень долгимъ и краснорѣчивымъ настояніямъ князя Еспера.

Князя Еспера она еще не подозрѣвала ни въ чёмъ дурномъ, несмотря на отношение къ нему княгини, несмотря на ея слова, ея предупрежденія. Погруженная въ свой фантастической міръ, занятая своими мечтаниями, она не была наблюдательна и не подмѣчала въ немъ того, что подмѣчали иной разъ даже воспитанницы генеральши, которыхъ были и моложе ея и менѣе опытны.

Она считала до сихъ поръ князя Еспера именно за очень искренняго человѣка, раскаявшагося грѣшника, который теперь каждой минутой своей жизни искупає свои заблужденія молитвой, внутреннимъ очищеніемъ и дѣлами благости.

Она вручала ему всѣ свои маленькия средства для раздачи бѣднымъ.

Но въ самое послѣднее время, несмотря на то, что горячо защищала его передъ княгиней, въ ней, еще безсознательно, но уже стало пробуждаться какое то новое къ нему чувство. Иногда ей было непріятно его присутствіе—онъ какъ будто мѣшалъ ей, чѣмъ то смущалъ ее, а чѣмъ—она не знала и старалась объ этомъ не думать.

XXVI.

Врагъ смущаетъ.

Нина никогда еще не чувствовала себя такой нервной, какъ въ это послѣднее время. Тоска жизни, неудовлетворенность, которая ее такъ долго преслѣдовали и которая затихла въ ней со временемъ ея знакомства съ Татариновой и поступлениемъ въ секту, теперь начали снова пробуждаться въ душѣ ея.

Она долго была горячо и искренно увѣрена, что заѣса, скрывавшая передъ нею „истинную“ жизнь, по

которой она томилась съ дѣтства,—теперь разверзлась, свѣтъ истины осѣнилъ ее.

Она твердо рѣшилась слѣдовать наставлению, которое преподалъ ей невѣдомый голосъ во время ея посвященія въ секту. Это рѣшеніе укрѣпили въ ней своими мистическими бесѣдами съ одной стороны Татаринова и Пилецкій, а съ другой стороны князь Есперъ, которому пуще всего необходимо было, чтобы Нина всецѣло ушла въ мистицизмъ, чтобы она жила исключительно фантастической жизнью, не допускала себя до увлечений земными мыслями и чувствами.

Онъ неустанно слѣдилъ за нею, со страхомъ слѣдилъ за ея выѣздами въ свѣтъ, допытывался обѣя впечатлѣніяхъ въ этомъ свѣтѣ.

Пока все шло хорошо. Нина увѣряла его, что она чувствуетъ себя въ свѣтѣ чужой, что ничто ее не прельщаетъ...

— Весь этотъ блескъ, о которомъ такъ заботятся свѣтскіе люди, говорила она, — вѣдь это мишура—и больше ничего... Неужели же человѣкъ, узнавшій свое истинное назначение, можетъ имъ плѣниться!...

И она говорила такія высокородныя фразы такъ горячо и искренно, что князь Есперъ въ удовольствіи потиралъ руки и гримасы лица его хотя плохо, но все же выражали душевное умиленіе.

Однако одна неотвязная мысль не давала ему покоя.

— А если появится какой нибудь человѣкъ, ходящій во мракѣ, пытливо спрашивалъ онъ;—если онъ заговорить вамъ о земной любви—что тогда?!

Нина тихо усмѣхалась.

— Я уже слышала не разъ эти рѣчи и онъ не соблазняли меня даже тогда, когда я была далеко отъ познанія истины, когда я еще не знала Катерину Филипповну и не была посвящена въ тайну. А теперь, когда мнѣ все стало ясно, неужели кто нибудь можетъ смутить меня?!

Князь Есперъ подпрыгивалъ на креслѣ и впивался въ Нину такимъ взглядомъ, который навѣрное смущилъ бы ее, еслибы она его замѣтила. Но она была очень разсѣянна и за взглядами своего мистического друга не слѣдила.

Но вдругъ однажды, во время подобного разговора, она задумалась и вздохнула.

Князь Есперъ насторожился.

— О чѣмъ вы вздыхаете? испуганно спросилъ онъ.

— Я развѣ вздыхаю?! я только подумала о томъ, что искушеніе все же можетъ быть, — большое, сильное искушеніе!... Есть одинъ человѣкъ, который еслибы явился, еслибы заговорилъ со мною о земной любви... не знаю... не знаю, что бы я тогда стала дѣлать...

Князь Есперъ даже поблѣднѣлъ и началъ уже совсѣмъ особенно гримасничать, что обыкновенно съ нимъ случалось въ минуты сильнаго волненія.

— Нина, заикаясь проговорилъ онъ, — возлюбленная сестра, вы меня смущаете! Что это такое вы говорите? и о комъ говорите? Повѣдайте мнѣ, кто этотъ человѣкъ, признайтесь мнѣ, какъ другу и брату... Вѣдь я братъ Григорія о Христѣ!... Вѣдь мы идемъ однимъ путемъ, мы должны поддерживать другъ друга... Я всю душу свою открылъ передъ вами...

Его голосъ принялъ сладкія, ласкающія ноты. Онъ схватилъ руку Нины и прижалъ ее къ груди своей.

— Вѣдь я стариkъ, говорилъ онъ,—я могъ бы вашимъ отцомъ быть... будьте же откровенны со мною!...

Онъ въ первый разъ признавался передъ нею въ своей старости.

До сихъ поръ онъ напротивъ употреблялъ всѣ мѣры для того, чтобы казаться ей очень не старымъ, бодрымъ и проворнымъ. Со временемъ ея появленія въ домѣ онъ еще больше сталъ молодиться и франтить. Онъ пѣсколько разъ въ день поднимался къ себѣ въ мезонинъ, чтобы опрыскивать духами усы и батистовые платочки, которыми имѣлъ обычай безпрестанно обмахиваться.

— Вѣдь я стариkъ, повторялъ онъ.—И я не побоялся признаться вамъ во всѣхъ прежнихъ грѣхахъ моихъ. Не скрывайте же ничего и вы отъ меня, я можетъ быть и помогу, а помочь вамъ, способствовать вашему успокойнію, достижению вами всякихъ духовныхъ цѣлей,—это было бы моимъ счастьемъ!.. Нина, дорогая сестра и дочь!..

Онъ крѣпко, въ нѣсколько приемовъ, и боязливо оглядываясь сталъ цѣловать ея руку.

— Кто этотъ человѣкъ, котораго вы страшитесь, который можетъ быть опасенъ для вашего спасенія?

— Мнѣ нечего скрываться отъ васъ, вдругъ довѣрчиво сказала Нина,—и я очень, очень благодарна вамъ за ваше ко мнѣ отношеніе. Я скажу вамъ кто этотъ человѣкъ...

И она рассказала ему свою дѣтскую встрѣчу съ Борисомъ, свои до сихъ поръ непозабытыя и иногда возвращавшіяся мечтанія.

Онъ жадно, внимательно слушалъ; глаза его блестѣли и такъ и прыгали во всѣ стороны, все лицо опять кривилось. Онъ представлялъ себѣ на мѣстѣ этого неизвѣстнаго юноши, завидовалъ ему....

Нина кончила свой разсказъ и печально улыбнулась.

— Вотъ и все! проговорила она,—но вѣдь вы видите теперь, что мнѣ опасаться нечего. Я даже не знаю, кто онъ, не знаю даже его фамилію.... Быть можетъ его давно уже нѣтъ на свѣтѣ и я свижусь съ нимъ не здѣсь, а въ иномъ мірѣ...

— А между тѣмъ, перебилъ князь Есперъ, вѣдь вы все же ждете съ нимъ встрѣчи... Все же вы почти уверены, что съ нимъ встрѣтитесь...

Нина покачала головою.

— Да, прежде ждала.. прежде была увѣрена.. а теперь, теперь я уже не жду этой встрѣчи.... ея не будетъ!...

— Почемъ знать! задумчиво сказалъ князь Есперъ.

Разсказъ Нины его сильно встревожилъ. Не смотря на то, что онъ вовсе не былъ такимъ мистикомъ, какимъ хотѣлъ казаться, все же онъ вѣрилъ во многое, надѣчѣмъ смыслилась его племянница—княгиня. А ужъ Нину онъ положительно считалъ существомъ особеннымъ, ему казалось, что къ ней нельзя примѣнить общую мѣрку, съ ней все можетъ быть, чего никогда не бываетъ съ другими....

Онъ началъ подробно ее разспрашивать о Борисѣ, обѣ его наружности, о томъ, не говорилъ ли онъ гдѣ живетъ въ Москвѣ, есть ли у него отецъ, мать, братья, сестры...

Нина ничего этого не знала. Она не могла даже сказать, сколько ему было тогда лѣтъ.

— Послушайте, говорила она,—да чего же мнѣ наконецъ бояться, еслибы даже онъ былъ живъ и намъ бы случилось встрѣтиться?!—вѣдь онъ бы и не узналъ меня! Если живъ, очень можетъ быть уже онъ женатъ, любить какую нибудь женщину, а обо мнѣ навѣрное давно и позабылъ. Вѣдь я тогда была маленькая, несчастная девочка—и только...

— Ахъ, не думайте вы о немъ,—не думайте, Нина! испуганно шепталъ князь Есперъ.—Помните—вы должны быть свободны отъ всѣхъ земныхъ узъ... Вы невѣста Христа! Не думайте же обѣ этомъ Борисѣ, не унижайте себя...

— Я стараюсь не думать!

— И послушайте, дайте мнѣ слово, дайте мнѣ честное слово, если бы случилось вамъ съ нимъ встрѣтиться, дайте мнѣ слово сейчасъ же сказать мнѣ обѣ этомъ...

— Съ удовольствиемъ! Но не будетъ этой встрѣчи... Теперь ея не нужно, я даже не хочу ея...

Но по выражению ея лица, князь Есперъ ясно видѣлъ, что она сама себя хочетъ обмануть, что она все еще мечтаетъ обѣ этой встрѣчѣ.

Нина была искренна. Она дѣйствительно гнала отъ себя прежнія мысли. Она рѣшила теперь, что не должно

думать о человѣкѣ, что эти думы, мечты—грѣховны...

Она мало по малу начинала уходить въ живую дѣятельность. Съ помощью князя Еспера, она розыскивала бѣдныя семьи, нерѣдко сама навѣщала больныхъ и несчастныхъ, помогала имъ чѣмъ могла.

Княгиня, конечно, ничего не имѣла противъ этого и даже прибавляла къ незначительнымъ средствамъ Нинѣ мало и своихъ денегъ.

А между тѣмъ, тоска и недовольство возвращались и доводили ее подъ часъ до полнаго отчаянія.

„Что же я за несчастная такая, думала она,—что я за отверженная, если и теперь мнѣ тяжело!?. Катерина Филипповна говорить, что съ тѣхъ поръ, какъ познала истину, она находится въ состояніи блаженства, что уже ничто не смущаетъ ея душу, не томитъ, какъ бывало прежде... Она забыла что такое тоска, скуча, недовольство. А я томлюсь, тоскую, скучаю!—значить, я не достойна благодати, не въ силахъ принять ее, проникнуться ею!..“

„А вдругъ!.. она даже вздрагивала и замирала отъ этой мысли.—А вдругъ, это не откровеніе, не истина?! Вдругъ всѣ мы заблуждаемся?!.“

Она начинала плакать и молиться, отгоняя отъ себя дьявольское наважденіе.

Но борьба съ нимъ становилась съ каждымъ днемъ все труднѣе, „врагъ“ все чаще и чаще смущалъ ее и нашептывалъ ей дурныя рѣчи.

Иногда она даже и на собраніяхъ, во время всеобщаго экстаза, „круженія“ и „пророчествованія“, вдругъ слышала внутри себя эти вражескія рѣчи. Тогда она мгновенно остыла, не хотѣла кружиться, не вѣрила въ пророчества. Братья и сестры въ бѣлыхъ саванахъ казались ей не то смѣшными, не то отвратительными—и она кончала истерическимъ припадкомъ.

Недавно она призналась Катеринѣ Филипповнѣ во всемъ этомъ „ужасѣ“, какъ она называла свое душевное состояніе.

Татаринова смутилась, долго ее увѣщевала, наложила на нее эпитеты, заставила ее усиленно молиться. У Катерины Филипповны было одно объясненіе:

„Да, это смущаетъ врагъ рода человѣческаго!..“

Она рассказывала о томъ, что и сама подвергалась испытаніямъ въ прежнее время, но поборола ихъ. Слѣдовательно и Нина должна побороть ихъ.

И Нина боролась всѣми своими силами, но въ этой борьбѣ она очевидно слабѣла, а врагъ, напротивъ, дѣлался сильнѣе.

Снова возвращались прежнія грезы о земномъ счастьѣ, о встрѣчѣ съ Борисомъ. Опять она чувствовала его возлѣ себя, бесѣдовала съ нимъ. Случалось—она проснется среди глубокой ночи, вся въ огнѣ, съ затуманенной головою, съ болѣющимся сердцемъ. Кругомъ тишина, мракъ. Но вдругъ чудится ей среди этого мрака, этой тишины, какой то таинственный шорохъ... Это онъ! она простираетъ къ нему руки... Вотъ будто лунный свѣтъ, и въ этомъ свѣтѣ она различаетъ его милое лицо, склонившееся надъ нею, она чувствуетъ его руки, крѣпко охватившія ее въ страстномъ объятіи... „Милый, милый!“ шепчетъ она сливаясь съ нимъ въ поцѣлуѣ и кажется, что вся душа ея расплывается, таетъ въ этомъ поцѣлуѣ... Блаженство и мука охватываютъ ее... и вдругъ все исчезаетъ... Она одна, въ слезахъ, въ лихорадкѣ...

Иногда она доходила до того, что начинала презирать себя.

Теперь она уже ни въ чемъ не признавалась Катеринѣ Филипповнѣ, не признавалась и князю Есперу...

И вдругъ, сама не зная какъ и почему, она рѣшила, что настало время ея встрѣчи съ Борисомъ и что непремѣнно теперь скоро, скоро совершится эта встрѣча...

Въ день бала у Горбатовыхъ, ея нервы были напряжены въ высшей степени. Княгиня просто изумлялась на нее глядя, такъ она была оживлена, порывиста съ

самаго утра. Когда она очутилась въ бальной залѣ, когда она сдѣлалась предметомъ зависти и негодованія многихъ за то, что великий князь пригласилъ ее на танецъ, она уже была совсѣмъ въ томъ особенномъ состояніи, которое въ прежніе годы ея покойной дядя называлъ „одурѣніемъ“...

Она еще не замѣтила Бориса въ толпѣ, не узнала его, но въ то же время была готова къ чему то особенному, къ чему то неизбѣжному. И еслибы въ этотъ вечеръ ничего не случилось съ нею, она просто сошла бы съ ума, какъ разбрілся бы цѣлый міръ, въ которомъ съ дѣтства она жила и въ который вѣрила.

Но она знала, что непремѣнно что-то случится—и случилось дѣйствительно—она встрѣтилась съ Борисомъ.

На слѣдующее же утро она сдержала слово, данное ею князю Есперу—объяснила ему о своей встрѣчѣ и поразила его, перепугала чрезвычайно.

Она задала ему задачу, которая теперь его поглощала, а сама переживала борьбу, въ которой все было противъ нея.

Она поняла сразу, что любить Бориса и при этомъ увидѣла, что мечты и ожиданія всей жизни ея не обманули.

Да, это была судьба, онъ долженъ былъ явиться и явился... и онъ знаетъ это! Онъ говорилъ съ ней именно такъ, какъ долженъ былъ говорить!..

Онъ пришелъ за нею, она его собственность, онъ требуетъ свою собственность и имѣть на это право... Но что же это?—какъ ей быть?!

А этотъ голосъ, который дѣйствительно звучалъ надъ нею, который звалъ ее къ спасенію и требовалъ для этого спасенія, чтобы она оттолкнула Бориса?!..

А ея собственная рѣшимость?!..

У нея путались мысли...

Вернувшись изъ послѣдняго собранія у Татариновой, она не спала всю ночь, молилась; но молитва не успокаивала. Она плакала, рыдала и при этомъ слышала вражескій голосъ, который ясно и соблазнительно шепталъ ей:

„Брось ихъ всѣхъ, уйди отъ нихъ! Они далеки отъ истины, они только себя и другихъ обманываютъ!“

А этотъ экстазъ, это высокое блаженство, которое охватывало ее всю во время „круженій“, это сверкающее небесное пространство, которое открывалось ей, эти тончайшія ощущенія, поднимавшія ея душу—развѣ это обманъ, развѣ это не откровеніе?!..

Но кто же сказалъ, что и Борисъ вмѣстѣ съ нею не можетъ быть причастнымъ этому блаженству?! Зачѣмъ она должна отогнать его отъ себя, когда она его любитъ, когда онъ достоинъ этой любви?.. А она знала, что онъ достоинъ,—знала, потому что любила его.

Но вѣдь они всѣ, начиная съ Катерины Филипповны, увѣряли ее, что земная любовь ее погубить, что она не должна принадлежать человѣку—иначе потеряетъ блаженство...

Такъ что же—если такъ, значитъ все равно она уже погибла, потому что она чувствовала съ каждымъ и той все яснѣе и яснѣе, что уже и теперь принадлежитъ ей. Если есть въ ней любовь къ нему, если въ ней эта любовь въ теченіи всей жизни—куда же она дѣнется, куда уйдетъ, какъ она вырветъ ее изъ себя?—это невозможно!

„Да и развѣ мы не можемъ любить другъ друга, какъ любятъ ангелы, любить душою, а не тѣломъ?..“ вдругъ мелькнула ей новая мысль—и она за нее ухватилась какъ за послѣднюю нить спасенія.

„Конечно можемъ! Зачѣмъ же они хотятъ, чтобы я не видалась съ нимъ, чтобы я гнала его, чтобы я съ нимъ разсталась?! Они не имѣютъ на это права, никакого права!..“

И она пока успокоилась на этой мысли.

Теперь она знала, что сказать Борису и имъ...

Ужение рыбы. Ст карт. Леллара, грав. Геверт.

А между тѣмъ на слѣдующее утро ее встрѣтила самая неожиданная непріятность.

Княгиня, вернувшаяся очень поздно съ вечера и не видѣвшая Нину, спросила утромъ у горничной—въ которомъ часу вернулась барышня?

Горничная отвѣтала, что уже послѣ полуночи. Кучеръ говорилъ ей, что долго дожидался барышню у Ручинскихъ, такъ какъ она съ тамошней барышней куда то ъздила на извощикѣ. Потомъ, вернувшись, Нина Александровна больше часу времени еще пробыла у Ручинскихъ и затѣмъ приѣхала домой.

Княгиня не подала горничной никакого вида, что заинтересовалась этимъ извѣстіемъ. Она только одѣлась торопливѣе обыкновенного, прошла къ Нинѣ, подѣлывала ее и, взглянувъ на нея блѣдное и утомленное лицо, спросила:

— Аннетъ Ручинская болна серьезно?

— Нѣтъ, ma tante, пустое нездоровье!

— Куда же это вы съ нею ъздили на извощикѣ поздно вечеромъ?

Нина даже слабо вскрикнула отъ неожиданности.

Княгиня печально покачала головою.

— Вотъ видишь, Нина, сказала она—вотъ ты до чего доходишь! Что же, наконецъ, ты отъ меня скрываешь? что ты дѣлаешь? съ какими людьми ты сошлася? Я не хочу подозрѣвать ничего дурного, но я прошу тебя, убѣдительно прошу—скажи мнѣ, куда это ты вчера ъздила съ твоей пріятельницей? Я не слѣдила за тобой, я случайно узнала это... Кучеръ приѣхалъ за тобой раньше, чѣмъ ты назначила, и видѣлъ, какъ ты возвращалась... Я увѣрена, что тутъ нѣть ничего предосудительного, хотя очень дурно, что двѣ девушкѣ разѣзываютъ ночью на извощикѣ. Хочешь, я помогу тебѣ—вы поѣхали навѣстить какое нибудь бѣдное семейство? Вы сдѣлали доброе дѣло? Скажи мнѣ, что я отгадала, и я, конечно, тебѣ повѣрю...

И она еще пристальнѣе, еще внимательнѣе глядѣла на Нину. А Нина нервно перебирала дрожащими пальцами оборку своего платья. Ея блѣдныя щеки вдругъ вспыхнули яркимъ румянцемъ. Она съ усилиемъ подняла на княгиню свои глаза и прерывающимъ голосомъ прошептала:

— Нѣтъ, ma tante, вы ошиблись!

— Куда же вы ъздили?

Нина схватилась руками за голову. Она рѣшительно не была въ силахъ солгать и не имѣла права сказать истину.

— Ma tante, не спрашивайте меня! шептала она.—Я не могу, не должна... Вѣрьте мнѣ только, что я не дѣлаю ничего дурного, что эта поѣздка не предосудительна!..

— Такъ ты мнѣ рѣшительно не скажешь, не отвѣтишь на мой простой и самый естественный вопросъ?..

Нина заплакала и схватила руку княгини.

— Ma tante, Господи! что же мнѣ дѣлать! Я не могу, право не могу!..

Она была въ отчаяніи. Княгиня разсердилась и оскорбилась не на шутку.

— Въ такомъ случаѣ, матушка, я должна сказать тебѣ, что я въ тебѣ очень, очень ошиблась... Ты даже не понимаешь того, что, уже не говоря о другомъ, ты прежде всего меня оскорбляешь. И слышишь, я теперь... я сама уже не хочу знать твоихъ тайныхъ дѣлъ, твоихъ секретовъ! Но знай, что я считаю своимъ долгомъ положить этому предѣлъ!.. есть вещи, которыхъ я не должна допускать и не допущу. Я считала тебя благородной, а ты ребенокъ и, значитъ, я должна слѣдить за тобой... Я не хочу, чтобы ты себя позорила и чтобы меня обвиняли въ томъ, что я за тобой недосмотрѣла!..

Она все еще ждала, все еще надѣялась, что Нина не выдержитъ и наконецъ скажетъ ей куда ъздила.

Но Нина молчала и только тихонько плакала.

Княгиня побагровѣла.

— Конечно, ты можешь быть мною недовольна, сказала она.—Ну что же, обвиняй меня въ притѣсненіи, въ тиранствѣ... Уйди отъ меня... отъ тебя и это станется! Я жду всего... всего... и ужъ теперь не стану ничему удивляться...

И она вышла, не взглянувъ на Нину.

Та хотѣла было вернуть ее, сказать ей что то, но остановилась и безнадежно зарыдала.

Она чувствовала себя виноватой. Она понимала, что запуталась, очутилась въ безвыходномъ положеніи, которое инстинктивно унижало ее въ собственныхъ глазахъ и изъ котораго она не видѣла никакого выхода.

(До слѣд. №).

Полковникъ изъ Золотоноши.

Историческая повѣсть

А. Н. Кирилова.

(Продолженіе).

VI.

Къ вечеру, когда заходившее солнце обдало своимъ красными лучами великую равнину моря, на которомъ заигралы тысячи радужныхъ цвѣтовъ волн, къ блюментальской пристани тихо подходилъ трехмачтовый корабль. Корабль былъ совсѣмъ новый, снасти были приложены какъ бы въ первый день выхода съ верфи. Поднятые на реи паруса блестѣли бѣлизною; борта, еще не обтертые бушующими волнами океана, представляли сплошную черную массу, изъ которой, какъ бы глаза чудовища, выглядывали нѣсколько оконъ, довольно странной формы, какая не встрѣчается въ купеческихъ корабляхъ, скорѣе похожихъ на амбразуры военныхъ корветовъ. На палубѣ наваленъ былъ грузъ, прикрытый брезентомъ; на углахъ палубы устроены были возвышения въ родѣ барбетовъ. Люки закрывались плотно. По конструкціи опытный морякъ тотчасъ же могъ замѣтить, что это корабль быстроходный и можетъ быть однимъ изъ лучшихъ крейсеровъ. Легкій вечерній морской вѣтеръ развѣвалъ флагъ, на которомъ красовалась золотыми буквами надпись: „Пелопонесъ“. Якорная цѣпь зазвенѣла, корабль тихо качаясь остановился подлѣ шхуны у самой пристани.

На пристани ожидали крейсеръ Скуфасъ и Ольга. Съ корабля сошелъ капитанъ—небольшаго роста пожилой морякъ. Онъ одѣтъ былъ въ черную, обшитую черными же шнурами куртку, въ круглой небольшой кожаной шляпѣ и въ большихъ ботфортахъ, какіе носили въ то время военные моряки. Смуглѣе, почти коричневое, лицо капитана указывало, что море зналъ онъ чуть не съ колыбели. Густыя нахмуренные бро-

ви огибли небольшіе глаза. Онъ почтительно раскланялся сперва съ Скуфасомъ, потомъ съ Ольгой. Скуфасу онъ подалъ пакетъ.

— Хорошо Вало. Грузъ весь подняли? спросилъ его дѣловымъ тономъ Скуфасъ, прочитавъ бумагу.

— На Дунай—весь; а на острова—только часть, коротко отвѣтилъ тотъ.

— Сколько набралъ матросовъ?

— Десять человѣкъ; годныхъ больше не могъ найти.

— Мало, ну да еще будутъ. Приготовляйся же къ выгрузкѣ, Вало, приказалъ Скуфасъ и пошелъ къ Гоффу сводить окончательные счеты, а Ольга осталась на пристани переговорить съ Осипомъ.

Послѣ ночнаго путешествія, въ которомъ Осипу пришлось такъ много поработать, и послѣ утомительной работы выгрузки, онъ долго спалъ богатырскимъ сномъ, и только подъ вечеръ проснулся. Передъ нимъ смутно проносилось все, что происходило въ прошлую ночь, и образъ Ольги не выходилъ у него изъ головы. Ея пристальные взгляды остались у него въ памяти и неотвязно занимали его мысли. Чего она на меня такъ смотрѣла? На простаго казака чего было такъ смотрѣть?.. Все это блажь! вдругъ рѣшилъ онъ. Тѣмъ не менѣе, большие черные глаза прекрасной гречанки и ея нѣжный симпатичный голосъ, невольно приходили на память. Онъ вышелъ на пристань. Чудный вечеръ, величественная картина моря, на волнахъ котораго граціозно колебался „Пелопонесъ“, морской воздухъ—освѣжили молодаго казака, привели его мысли въ порядокъ. Онъ зашелъ въ амбаръ, гдѣ сложенъ былъ грузъ, хотѣлъ было

узнать откуда прибыл корабль, но его остановила Ольга, только что сопшедшую с крейсера.

— Здравствуй, казакъ, отдохнула ли ты послѣ работы? обратилась она къ нему съ вопросомъ.

— Отдохнула, слава Богу, что днемъ поработаешь да увидишь—ночью забудешь, что ночью сработаешь—днемъ забудешь.

— Давно живешь въ Блюменталь? спросила она его.

— Четвертый мѣсяцъ.

— Тебѣ нравится здѣсь?

— Я доволенъ... что же...

— Не хочешь ли на другое мѣсто? выгоднѣе будетъ.

— Какъ не желать? кто же себѣ добра не желаетъ? Здѣсь я получаю сорокъ карбованцевъ.

— Ну а въ другомъ мѣстѣ дадутъ и больше, смотря за какое дѣло.

— Вижу я—у васъ такія дѣла что съ опаскою...

— О! да ты, казакъ, вижу, смысленный. Цѣну набиваешь. Съ тобою не такъ нужно разговаривать. Проводи меня до фольварка, мнѣ нужно съ тобой поговорить, улыбаясь сказала гречанка.

Она шла впереди, за ней шелъ Осипъ. Прошли пристань, начали взбираться на косогоръ. Темнѣло; на тускнѣющемъ небѣ уже замерцали первыя звѣздочки, а море съ горизонта понемногу стало покрываться какъ бы чернымъ саваномъ...

— Слушай, казакъ, сказала ему Ольга, остановившись и обратившись къ нему. Знаешь ли какой ты грузъ принялъ сегодня?

— Грузъ какой? спросилъ спокойно Осипъ. Для чего мнѣ это знать, не знаю.

— Видишь ты какой, казакъ! слушай: видно самъ Богъ привелъ тебя быть участникомъ великаго дѣла. Знаешь ли, что греки, такие же христіане, такие же православные, какъ ты. Они хотятъ теперь освободиться отъ турокъ, отъ мусульманъ. Нашему святому дѣлу всѣ сочувствуютъ, всѣ желаютъ ему успѣха. Самъ Государь вотъ оказываетъ намъ содѣйствие. Наше дѣло,—дѣло правое, святое. Всѣ добрые люди ему помогутъ и твой хозяинъ, хотя онъ и нѣмецъ, и тотъ не отказалъ намъ: далъ свой амбаръ для складовъ пороха и оружія, купилъ корабль для перевозки оружія и припасовъ греческимъ войскамъ, устраиваетъ склады. Твой Государь желаетъ успѣха дѣлу единовѣрцевъ... Богъ привелъ тебя, казакъ, помочь нашему великому дѣлу.

Ольга говорила это съ воодушевленіемъ, желая увлечь Осипа; но Осипъ хотя и догадывался и прежде слыхалъ кое-что въ Одессѣ, что греки что-то затѣвали, но былъ озадаченъ: онъ не полагалъ, что дѣло запело такъ далеко и что обѣ этомъ зналъ даже Государь. Онъ недовѣрялъ словамъ Ольги, „дурить баба“ думалъ онъ. Кабы что нибудь такое, чего же скрываются? Было бы черезъ кого ни есть объявление о томъ. А то на, поди! Вдругъ и Царь знаетъ... Онъ быстро сообразилъ одно, что тутъ нужно быть очень осторожнымъ. Отстраняться же отъ дѣла совсѣмъ онъ не хотелъ. Во всякомъ случаѣ оно ему было по душѣ. Безпокойной душѣ казака представлялось столько живаго, разнообразнаго, полнаго приключений! Тутъ есть гдѣ разгуляться. Да и само по себѣ оно выгодно; все лучше чѣмъ сидѣть въ амбарѣ, на мѣстѣ съ утра до вечера, за ссыпкой и отправкой хлѣба.

— Какая моя помощь, пани, что прикажутъ, дѣлаю, отвѣтилъ онъ, а тутъ я ничего не знаю... Чего мнѣ!

— Но ты можешь быть очень полезенъ нашему дѣлу, казакъ. Ты можешь у насъ получить видное мѣсто, только бы былъ вѣренъ намъ и преданъ дѣлу освобожденія Грекіи отъ поганыхъ турокъ.

— Ахъ, пани, пани, говорите вы: вѣренъ; да развѣ вы не знаете, что наши казаки, дѣды и прадѣды наши, всегда были вѣрны тому, кому служить. Теперь я служу Ивану Карловичу и вѣренъ ему, его никому не продамъ и не измѣню. Буду служить у васъ—будетъ тоже. А что говорите—великое дѣло, что обѣ немъ знаетъ самъ батюшка-Царь, то намъ, пани, этого знать и понимать не по плечу; мы люди малые, простые, не намъ обѣ такомъ дѣлѣ думать, не дѣло намъ и знать его, уклончиво говорилъ Осипъ.

— Но ты значитъ не отказываешься къ намъ поступить на службу? Иванъ Карловичъ не прочно отпустить тебя.

— Отказываться я не отказываюсь.

— Ну и хорошо пока, проговорила Ольга, пытливо посмотрѣвъ въ глаза Осипу, кивнула ему головой и скоро скрылась въ темнотѣ.

Всю ночь и весь слѣдующій день на пристани кишила работа. Выгружали большие ящики съ оружиемъ, складывали ихъ въ амбары, нагружали хлѣбъ. Гоффъ и Осипъ хлопотали цѣлый день. Капитанъ, по прозвищу Вало, почти не говорилъ по русски. Онъ хмурилъ только брови и видимо сердился, когда ему казалось, что работа шла мѣшкотно или въ чѣмъ нибудь была остановка. Скуфасъ все время сидѣлъ дома, вѣль разсчеты, писалъ письма, инструкціи о заготовкахъ оружія и припасовъ для придунаїскихъ княжествъ. Ольга на другой день въ шарабанѣ Гоффа вернулась въ Одессу. Къ вечеру на пристани все было готово.

— Ну вотъ что, Осипъ, началь Скуфасъ, войдя къ нему въ хату уже поздно ночью. Завтра выйдешь на Измаилъ, въ Измаилъ ты наймешь нѣсколько амбаровъ возлѣ берега... Тамъ тебѣ укажутъ въ тамошней кафандѣ; сложишь въ нихъ грузъ и ссыпешь хлѣбъ. Хлѣбъ будешь продавать партиями. Заготовь также выѣзжу „складъ хлѣбнаго товара колониста Гоффа“, а про остальной грузъ никому не говори. Выдавать его можно только, когда будетъ тебѣ бумага съ такою вотъ печатью. Тутъ Скуфасъ показалъ Осицу печать Гетеріи.

Въ это время вошелъ Вало.

— Ну, прощайте товарищи, сказалъ Скуфасъ, протягивая руку тому и другому. Вало пожалъ руку Скуфаса съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. Осипъ—съ недоумѣніемъ и невѣдѣмостью, чувствуя, что Скуфасъ дѣлаетъ изъ него товарища, затягиваетъ его тѣмъ болѣе въ дѣло. Кромѣ того, являясь отъ имени Гоффа какъ бы хозяиномъ, онъ неразрывно себя обрекаетъ на весь рискъ Гетеріи. Что еще у нихъ выйдетъ, думалъ онъ.—Э, была не была!

Съ вечера Осипъ сходилъ проститься съ Гоффомъ, который благодарилъ его за службу и пожелалъ ему на новомъ мѣстѣ также хорошо устроиться, какъ онъ устроился въ Блюменталь; но относительно Скуфаса и своего участія въ дѣлѣ не сказалъ ни слова. „Все же вонъ, думалъ Осипъ, хорошо, хорошо—а все молчать да укрываются, все же, выходить, надо смотрѣть въ оба...“ Потянулъ свѣжій, восточный вѣтеръ и яркое южное утро застало его уже на кораблѣ по направлению къ Измаилу. Мало по малу пропадала изъ глазъ колонія и ея гостепріимныя кровли, гдѣ онъ нашелъ себѣ первый пріютъ на чужой сторонѣ.

VII.

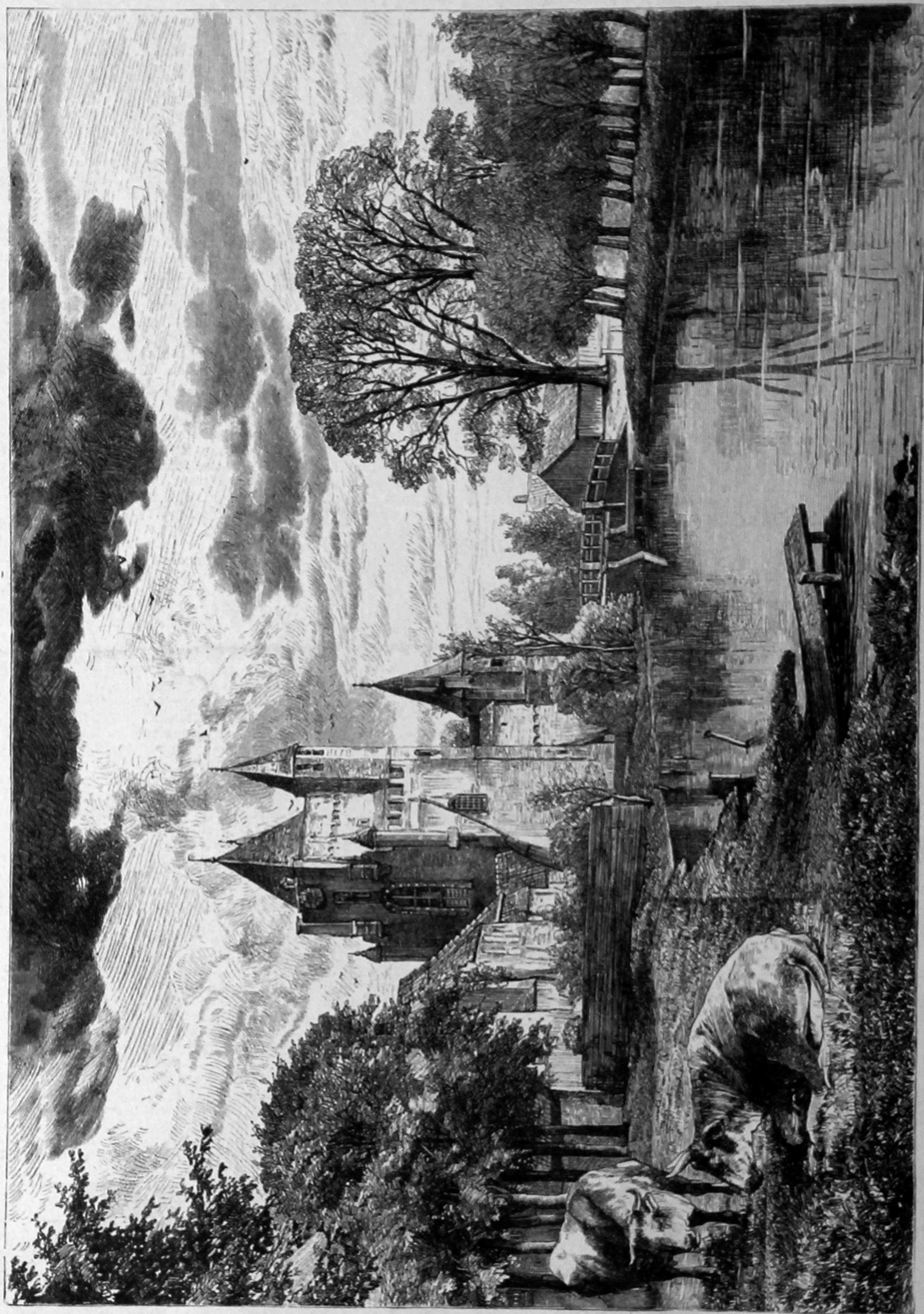
Дунай величаво несетъ свои темножелтые волны въ Черное море. Освободившись отъ нагорныхъ береговъ, гдѣ онъ сердито бурлилъ, сдавленный скалами съ самаго верховья, какъ бы радуясь простору стенного побережья, развѣтвляется онъ на множество рукавовъ и притоковъ, одѣляя окружающую мѣстность жизнью и влагою. Тѣсно могучей рѣкѣ было среди утесовъ Карпатскихъ горъ, а здѣсь, на просторѣ, есть гдѣ показать себя, есть чѣмъ напоить жаждущу почву, раскаленной знойнымъ южнымъ солнцемъ. Кругомъ степи, болота. Впадая въ Черное море тремя широкими, разлившимися по степной равнинѣ, гирляндами, Дунай испещряетъ равнину дельты безчисленными множествомъ протоковъ и небольшихъ рѣчекъ, соединяющихъ озера или густо заросшія камышемъ болота. Между ними у самаго низовья тянутся гряды „плавней“, плавучихъ островковъ, съ незамѣтными для глаза среди камышей прогалинами сухой земли. Остатки разливовъ по побережью то расплываются въ широкія плѣса, то съуживаются въ „урмы“—узкие беспорядочные протоки. Ихъ покрываютъ плавни, поросшіе очеретомъ или густымъ ивнякомъ. Угрюма картина покрытыхъ туманомъ закраинъ зеленыхъ степей, прилегающихъ къ морю. Повсюду высокій, глухой безъисходный камышъ или съ искривленными сучьями чахлая ветла. Мелькнетъ дикая коза, перебѣжитъ fazanъ, точно шопотъ пронесется отъ камышей, покачивающихся своими стройными сultanами, одновѣчное жужженіе тучи насѣкомыхъ, кваканье безчисленныхъ лягушекъ, грызущихъ на солнышкахъ на берегахъ протоковъ. Глушь и затишье кругомъ. Когда то, въ стародавніе годы, силистрійскіе правители задумывали оживить эту водную пустынью, перерѣзать ее съ одного берега до другого гатью, съ водосливами. По преданію, надъ этой египетской работой когда то трудились тысячи русскихъ плѣнныхъ, уводимыхъ послѣ разныхъ погромовъ на Руси и въ Польшѣ; но не въ прокъ пошла работа, завершаемая стонами и проклятіями—все затягивалось снова глубокой вязкой тиной или размывалось волнами, могучею вѣчною силой гирль Дуная.

Въ 1775 году послѣ усмиренія бунта Яицкихъ казаковъ положенъ былъ конецъ Запорожской Сѣчѣ. Многіе Запорожцы покорились судѣ, разбрелись по ближайшимъ мѣстамъ, приписываясь къ разнымъ обществамъ; но часть ихъ не захотѣла разстаться со своими вольностями и вѣковыми обычаями, спустилась на лодкахъ внизъ по Днѣпру и била челомъ на службу Султану. Сѣчевики надѣялись, что Порта отведеть имъ мѣста на чудномъ кримскомъ побережье, но Абдулъ-Гамидъ нашелъ удобнѣе разселить ихъ въ устьяхъ Дуная, предоставивъ въ ихъ пользованіе Буджакскій Санджакъ.

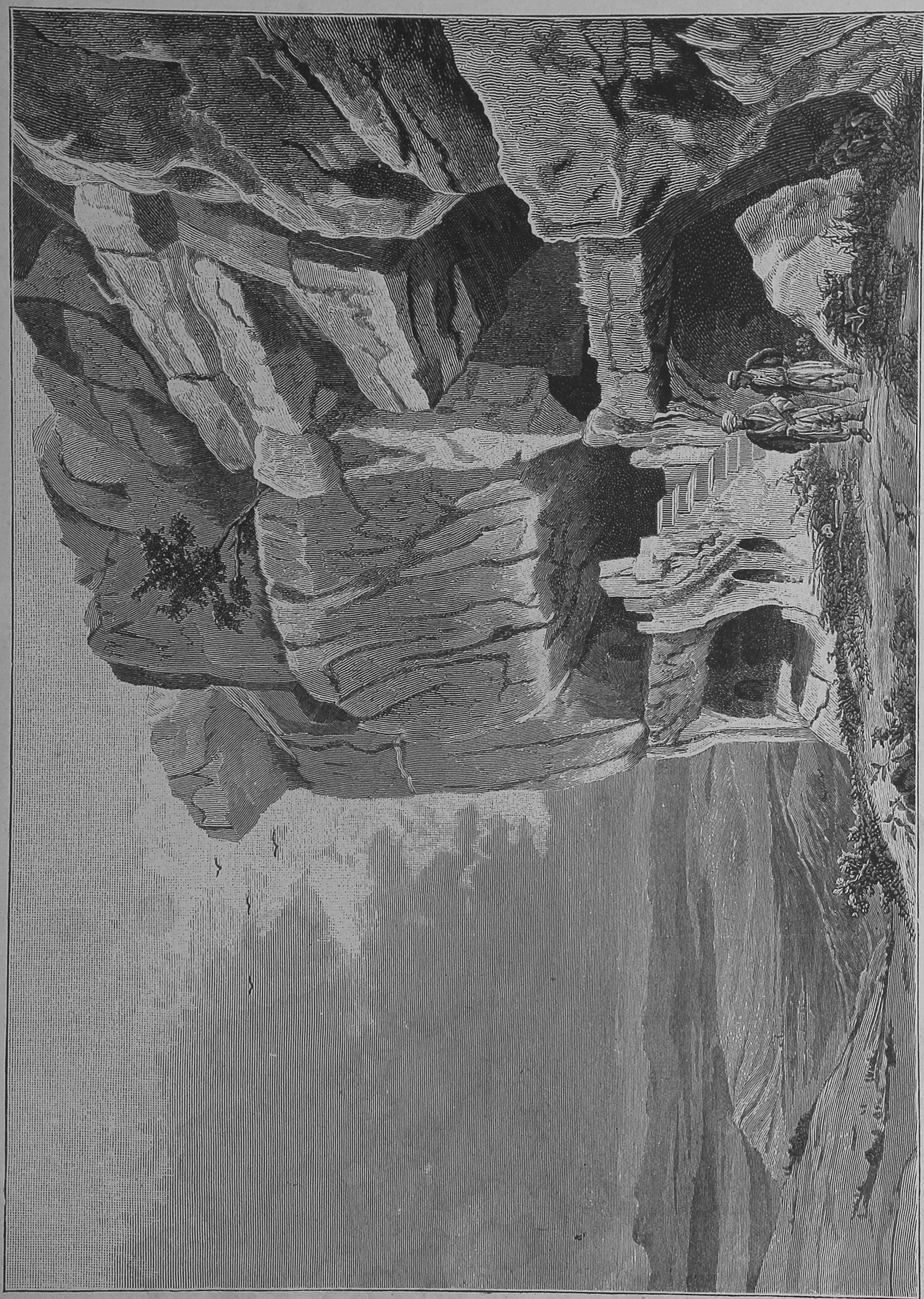
Не привольно таки было первое заселѣе сѣчевиковъ. Непрѣходимы болота, да изрѣдка попадающія песчаныя прогалины—вотъ чѣмъ наградило ихъ новое отечество. Но казакъ не хлѣбопашецъ. Искони ему родственне было рыболовство, чѣмъ землепашество. Ему, воину прирожденному, сподручнѣ было бороздить веслами шумныя волны, чѣмъ сохою степную, неблагодарную и прихотливую почву. Степь, поле—для казака арена для подвиговъ; лиманы—источники пропитанія. Не даромъ поется въ казацкой пѣснѣ:

Дніпровий, Дністровый
Оби два лимани
Въ нихъ казаки дубовались
Справляли жупани...

Не прошло и году, какъ на песчаныхъ пригоркахъ Дунайскаго низовья выросли по стародавнему обычаю Сѣчи—ку-

Амстердамські ворота въ Гаарлемъ. Ориг. рис. Шарера, грав. Козуберг.

Крымские виды. Гrotъ Челекерменъ близъ Чуфутъ-Кале. Съ карт. акад. Фрикке, грав. М. Рашевский.

рени,—небольшія селища, окруженные землянымъ валомъ, око-
пами и огорожею. Вибиралось, обыкновенно, ровное мѣсто,
ставился прежде всего высокій шесть, а затѣмъ, вокругъ пло-
щади начинали строиться одна за другою казацкія мазанки.
Не затѣйливо жилище сѣчевика. Врыль въ землю четыре стол-
ба, накрылъ ихъ вѣнцомъ, задѣлъ плетенкою, замазаль гли-
ною съ навозомъ, покрылъ камышевою настилкою—и жилище
готово. Только у куренного атамана придѣливались „при-
сѣнки“—крылечко, на двухъ столбахъ, въ родѣ козырька. На
площади или „майданѣ“,—вѣчный базарь. Цыганскій таборъ
разбилъ свои палатки и шустрый цыганъ изъ Молдавіи снаб-
жаетъ запорожцевъ свининою и саломъ, получаетъ отъ нихъ
рыбу; еврейчикъ разбилъ походную лавочонку, сбывая сѣчеви-
камъ красный стамедъ на бешимедъ, сукно на кунтушъ, да
кубовую ряддину на шаровары; рядомъ стоять нѣсколько мол-
даванскихъ и болгарскихъ возовъ съ кукурузою и другимъ хлѣ-
бомъ; возлѣ неистово мычать буйволы или, лѣниво ворочая голо-
вы, лежать волы. Здѣсь же съ воза худощавый грекъ про-
даетъ кукурузную ракію, подъ вліяніемъ которой, подъ му-
зыку забредшихъ какимъ то случаемъ сюда чеховъ, лихой запорожецъ отплясываетъ гопака. Старики сидятъ на завалин-
кахъ, молодые толкуются по базару или, напившись хмѣльной
ракіи, бушуютъ между собою, по временамъ затѣиваются и драки
съ цыганами, съ болгарами, пока не вмѣшается кто нибудь изъ
стариковъ и не разгонитъ ихъ палкою.

Турецкое правительство, отведя запорожцамъ клочекъ земли
у низовьевъ Дуная, причислило ихъ къ Силистрійскому округу,
подчинило ихъ бабадагскому пашѣ, но во внутреннее ихъ
управление, какъ всегда, совсѣмъ не входило: запорожцы пере-
несли на берегъ Дуная свои свычай и обычай, свое сѣчевое
устройство. Все, чего отъ нихъ требовала Порта—это защита
тѣхъ береговъ Дуная, на которыхъ они были поселены, и въ
случаѣ надобности поставка тысячи человѣкъ въ строй. Запо-
рожцы тотчасъ же воспользовались предоставленными имъ пра-
вами и льготами. На развалинахъ татарского мѣстечка Буд-
жакъ устроили они кошь, установили тамъ походную православную церковь, сосредоточили здѣсь общинное управление и
затѣмъ на выбранныхъ мѣстахъ настроили куреней. Въ то же
время они занялись рыболовствомъ, продавая рыбу въ Бабадагъ, Гирсово, Силистрію и за Дунай. Часть улова шла въ
кошевую казну, часть въ общинную казну куреня, остальная
часть раздѣлялась между товариществомъ. Ни внѣшности, ни
обычаевъ, ни порядковъ своихъ здѣсь запорожцы ни въ чёмъ
не измѣнили. Кошь пополнялся всякимъ пришлымъ народомъ,
лишь бы человѣкъ былъ не женатъ и православный; затѣмъ и
на Дунай появился стародавній сѣчевой оселедецъ, смушковая
шапка, черный бешметъ, синіе шаровары, красный кунтушъ,
длинная пика, пистоли и саблюки. То рыская по камышамъ за
кабанами, то шныряя между плавнями на „дубахъ“ за рыбью, то
пускаясь на своихъ двухшарусныхъ, быстрыхъ на ходу,
казанахъ и саймахъ, въ бурное море за грабежъ, то защищая
свои болота отъ вторженія русскихъ отрядовъ за все время
войнъ, тянувшихся въ концѣ прошлаго столѣтія—задунайское
запорожье не теряло своей давней воинственности и отваги,
затѣщанной ему еще со временъ эпическихъ героевъ-гетмановъ.

Въ день Покрова Пресвятой Богородицы, въ Буджакѣ, рези-
денціи кошеваго атамана, было въ тотъ годъ большое праздне-
ство. Собрались куренные атаманы, старшины и все казаче-
ство. Праздновалась сорокапятилѣтняя годовщина запорож-
скаго заселія на Дунаѣ. Внутри обширнаго земляного редута
расположенъ былъ четыреугольникомъ курень въ родѣ ка-
зармы, здѣсь же помѣщалось и кошевое управление. Въ сере-
динѣ образуемой такимъ образомъ площади или майдана, воз-
вышалась небольшая, изъ досокъ сколоченная, церковь съ зо-
лотымъ крестомъ, ярко сиявшимъ на солнцѣ. Невдалекѣ отъ
церкви стояло небольшое, оберегаемое часовыемъ, строеніе, съ
узкими, съ желѣзными рѣшетками, окнами, называемое „вой-
сковою скарбницѣ“ (т. е. мѣсто, где хранилась войсковая
казна). По стаинному обычаю, въ этотъ день съ утра выне-
сены были изъ церкви на выставку на площадь всѣ трофеи и
доспѣхи, добытые запорожцами на полѣ брани. На столѣ, по-
крытомъ краснымъ сукномъ, отороченнымъ золотою бахромою,
лежали рядомъ знамена русскія, турецкія, польскія, лежали
бунчуки турецкихъ пашей, взятыхъ въ пленъ когда то запо-
рожцами, ятаганы, сабли и иное оружіе, украшенное драгоцѣн-
ными каменями и взятое запорожцами во время ихъ на-
бѣговъ.

Въ церкви шла служба. На майданѣ кишили запо-
рожцы, собравшіеся со всѣхъ куреней. По очереди подходили
они къ столу и снявъ шапку, поправивъ оселедецъ, осматри-
вали трофеи свои. „Не умирай, не замолкай памятка обѣ слав-
ныхъ подвигахъ запорожской Сѣчи“, говорили казаки.

Обѣдня кончилась, начался крестный ходъ. За образами по-
несли большое войсковое знамя и пять куренныхъ знаменъ, а
позади ихъ на серебряномъ блюдѣ несли кошевую печать, пред-
ставляющую вояка съ мушкетомъ въ одной руцѣ и съ знаме-
немъ въ другой. Впереди высыпавшаго изъ церкви народа шель
кошевой атаманъ Морозъ, въ красномъ, шитомъ золотомъ и
бисеромъ бешметѣ, поверхъ котораго накинутъ былъ бѣлый,
отороченный мѣхомъ, кунтушъ; широкіе, синяго бархата, шаро-

вары и высокіе сапоги съ красными отворотами, дополняли его
костюмъ. Въ рукахъ онъ держалъ булаву, а на груди, у него
блестѣла звѣзда дарованного Султаномъ ордена Османі. Коше-
вой былъ среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, коренастый казакъ,
съ длинными опущенными внизъ усами. Больше свѣтлые глаза
и открытое лицо выражали смѣлость, рѣшительность и отвагу.
За Дунай къ запорожцамъ онъ явился лѣтъ восемьнадцать то-
му назадъ, Богъ вѣсть откуда. Никто не зналъ и до сихъ поръ
не знаетъ его происхожденія и какимъ путемъ пробрался въ
Запорожье. Но до этого и дѣла никому не было. Сядеть на
руль—лучше его никто не управится, на кабана ли пойдетъ—
лучше его опять таки никто не походитъ, и въ бою знаетъ
какъ выручить товарищество изъ бѣды—казакъ лихой! Смы-
леность, отвага, ловкость, хладнокровіе—заставили запорожцевъ
выбрать Мороза сперва куреннымъ атаманомъ, а лѣтъ пять
тому назадъ и кошевымъ. Позади кошеваго шли пять курен-
ныхъ атамановъ съ „перначами“ въ рукахъ, за ними старшины
куреней. Процессія обошла вокругъ церкви, прочли четыре
евангелія, потомъ, отдѣляясь отъ хоругвей и крестовъ, кошевой и
куренные атаманы стали посреди майдана, а за ними развѣвались
знача. Сѣчевики заняли всю площадь,—началась „рада“.

Морозъ махнулъ булавой и все смолкли. Онъ началъ та-
кую рѣчь: „Помыслите, братья и други, помыслите и разсудите.
Былъ я на Ioанна Богослова въ Бабадагѣ у силистрійскаго
паши и сказывалъ онъ мнѣ, что противъ его величества Госу-
даря нашего Султана, замышляетъ возстать греческій народъ,
молдаване и валахи. Вѣрить паша въ наше запорожское вой-
ско, доказали мы не разъ и доцрѣ сего передъ его величес-
твомъ Султаномъ, и паша просилъ ради нашей же пользы и
интересу сторожить по Дунаю недруговъ и не пропускать ихъ
кораблей, а что будемъ братъ, то можемъ оставлять въ свою
пользу. Еще сказывалъ мнѣ паша, что есть много по свѣту
льстцовъ, что мутятъ подданныхъ Султана и подговарива-
ютъ, ради будто бы Христовой вѣры, къ бунтамъ и возмуще-
ніямъ, и при этомъ паша спрашивалъ, что онъ слышалъ, что по
христіанскому закону повелѣвается подчиняться власти зако-
номъ установленной или договоромъ избранной? Я ему отвѣ-
чалъ, что по нашей вѣрѣ—клятвопреступление—великий грѣхъ,
и что въ этомъ грѣхѣ запорожцы передъ его величествомъ Сул-
таномъ грѣшны не были и не будутъ. Паша завѣрялъ, что всѣ
вольности запорожскія останутся и что если тѣсно стало запо-
рожскому войску на Дунаѣ, Султанъ отведеть ему лучшія зем-
ли возмутившихся его подданныхъ. Помыслите же тещерь,
братья и други, о милостяхъ нашего Повелителя, помыслите
и о томъ, что для войска запорожскаго, на случай если нач-
нется война, недостачи чтобы не было въ хлѣбѣ, такъ не раз-
судите ли вы теперь закупить его на кошевой счетъ?“

Рада заколыхалась, зашумѣла. Долго шель говоръ между сѣ-
чевиками, наконецъ изъ толпы вышелъ старый казакъ, покло-
нился сперва атаманамъ, а потому всему казачеству и сказалъ
слѣдующее:

— Господа громада! Запорожское войско николи никого не
обманывало да и въ обманѣ не давалось. Биласъ наша Сѣчъ
и съ поляками, и съ русскими и турецкими войсками. Кто къ
намъ былъ хорошъ и мы къ тому были хороши; кто нашу вѣ-
ру, вольности и обычай не трогалъ, тотъ и былъ намъ другъ.
Султанъ даль намъ пріуть, сохранилъ наши вольности и обычай
и ты, атаманъ, ладно отвѣтилъ пашѣ. А обѣ хлѣбѣ рада
помыслила, что лучше не можетъ быть, какъ если бы атаманъ
плавчеринскаго куреня съ товариществомъ доѣхать до Измаила
и тамъ за кошевой счетъ закупилъ хлѣба; запорожцы дознали,
что въ Измаилѣ засыпаны склады хлѣба—и по цѣнѣ сходной.

Сказавъ свое „слово“, старый казакъ еще разъ поклонился
атаманамъ и войску и отошелъ въ сторону. Морозъ махнулъ
булавою, рада кончилась. Кошевой вмѣстѣ съ куренными ата-
манами и старшинами заняли накрытый около куреня столъ,
установленный явствами. На майданѣ вѣхало неизвѣстно откуда
нѣсколько подводъ—съ бочками ракіи и въ одинъ мигъ яви-
лось нѣсколько походныхъ кухонь; начали вертѣть передъ ко-
страми на шестахъ жирныхъ барабановъ, заиграла въ разныхъ
мѣстахъ музыка, по площади пошелъ говоръ, шумъ, базарный
гвалтъ. На паперти церкви сидѣли слѣпые „бродячей Руси“,
тянувшіе „Лазаря“, и сердобольные запорожцы бросали имъ
въ шапку деньги. Все это прерывалось по временамъ ружей-
ными выстрелами юныхъ запорожцевъ, пробовавшихъ свои пи-
столи и мѣткость своей руки. Народное гульбище продолжалось
до ночи, а атаманы за это время выпили не одинъ боче-
нокъ нѣготинскаго вина.

— Такъ ты, значитъ, Сурмила, обратился Морозъ къ плавче-
ринскому куренному атаману, завтра и гайда на стругахъ въ
Измаилѣ.

— Бачу, папъ кошевой, отвѣтилъ Сурмила,—не замѣшкаюсь.

— Мѣшкатъ-то и не приходится, возразилъ Морозъ. Слухи
ходяты, въ Молдавіи поднялась уже рухавка; того и гляди, на-
шимъ хлопцамъ придется кой-чѣмъ и позабавиться. Паша добре
тревожится; сказываетъ, что на долю запорожцевъ перепадетъ
вдосталь потуги; я отвѣтилъ ему, что мы гнаться за этимъ не
будемъ; а тебѣ бы, Павлюга, обратился Морозъ къ атаману
Егорьевскаго куреня, я вотъ что бы сказалъ: на гирлѣ у вѣст-
тамъ двѣ соймы стоять?

— Стоять, панъ кошевой.

— Такъ вотъ что, братику ты мой, закажи хлоцамъ, чтобы они добре ихъ осмотрѣли и наладили, догляди, чтобы снасти всѣ были въ исправности, на паруса отпусти новой ряднинѣ, да пришли сюда казаковъ за гармотами (пушками). Поставимъ по двѣ на каждую—ладнѣ будеть. Да смотри, какъ скажу, „въ море“, такъ чтобы въ мигъ вылетали соколови.

— На чеку все будетъ, панъ кошевой, отвѣтилъ Павлюга. Мои хлоцы и теперь урядъ держать исправно.

— Все это ладно, панъ кошевой, заговорилъ Сурмила, только хотѣль было тебѣ передать одно дѣло, да не знаю какъ начать.

— Начинай, какъ скажешь, мабуть и смѣкнемъ, отвѣтилъ Морозъ, улыбаясь.

— Въ Плавчеринѣ у насъ не ладно, панъ кошевой, межъ казаками говорѣтъ идѣть, бають, что дѣлать запорожцамъ? Всѣ, моль, христіанскіе народы если да противъ султана пойдутъ, такъ намъ, въ тѣ поры, сказываютъ, за басурманскаго султана стоять не приходится. Вѣстимо дѣло, все это говорѣтъ пустяшный, промежъ собой, но хорунжій говорилъ мнѣ, а мнѣ ужъ не молчать было, панъ кошевой.

Морозъ покрутилъ усть; видимо, что это его озабочило. Долго молчалъ онъ, барабаня по столу пальцами.

— Скажу я тебѣ, Сурмила, началь онъ тихо, а ты передай это хорунжему и всему твоему побратимству, что какъ только я узнаю, что промежъ васъ ходятъ такія глупыя мысли, то первого же за ребра повѣшу. Отъ добра добра не ищутъ. Другимъ нужны вольности, а у насъ они есть, вѣру нашу никто не притѣсняетъ, въ дѣла наши никто не путается. Такъ и передай, братику, что какъ только дознаетъ кошевой обѣ такихъ глупыхъ рѣчахъ, то первого, кто болтнетъ, на сучекъ вздернетъ.

Проговоривъ твердо эти слова, суровый и сердитый, кошевой всталъ. „Бувайте здоровы, атаманы“, проговорилъ онъ кланяясь и пошелъ въ свою хату.

Между тѣмъ по майдану еще долго за полночь слышны были звуки волынки и скрипки, по временамъ раздавались выстрѣлы, наконецъ все стихло и окуталось непроницаемой мглою теплой южной ночи.

Морозъ вошелъ въ свою хату, особнякомъ стоявшую на площади около главнаго корпуса куреня. У входа стоялъ казакъ съ никою. „Заушгай каганецъ!“ гаркнулъ кошевой на двухъ спящихъ казаковъ въ свѣтлицѣ передъ хатою. „Ишь, бісовы сыны, разоспались“, сердито ворчалъ Морозъ, недовольный соображеніемъ Сурмилы. Тускло освѣтилъ каганъ невзыскательное обиталище кошеваго атамана придунаїскихъ запорожцевъ. То была большая хата, выбѣленная „крайдою“. На стѣнахъ развѣшаны дорогіе турецкіе и персидскіе ковры, на которыхъ красовалось сгруппированное въ арматурѣ драгоценное оружіе. Около стѣнъ стояли простыя лавки, въ одномъ углу столъ, въ другомъ около печки устроены были нары, покрытыя мягкимъ войлокомъ, на которомъ спалъ атаманъ. Въ богатой ризѣ, усыпанной каменьями, въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя, передъ которымъ теплилась лампадка. Морозъ отдалъ булаву, снялъ дорогой кунтушъ, бешметъ, бархатные шаровары; все это казаки запрятали въ большой рундукъ, стоявшій около печки. „Ну, лягайте спать, хлоцы“, сказалъ Морозъ и самъ началъ молиться Богу. Помолившись онъ легъ было спать, но долго не могъ заснуть—его беспокоили броженія въ плавчеринскомъ куренѣ. Онъ завѣрилъ пашу, что на вѣрность запорожцевъ можно положиться, а тутъ среди казаковъ совсѣмъ иное. „Султанъ-басурманъ, это—что говорить—это правда, думалъ Морозъ, только намъ у него вольготно; не тревожить онъ насъ никакими поборами, не тѣснить никакими своими порядками, не касается нашей вѣры и обычая—чего же намъ еще? Казаку то и родина, гдѣ ему вольготно. Богъ Одинъ и правда одна. И турки по своему, а молятся же Богу, а кривды отъ нихъ меньше, чѣмъ было у насъ и промежъ себя. Вспомнилось Морозу его старое житѣе, село Краснохижина, его батьковщина, не богатое, но и не убогое хозяйство. Вспомнилъ онъ покинутую жену свою Марью

и малютку дочь Феню, вспомнилъ и въ темнотѣ прослезился. Началъ онъ ходить по хатѣ; походить, походить, присядеть на лавкѣ, опустить голову и задумается. Прошлое встаетъ передъ нимъ въ живыхъ краскахъ, возбуждая то горе, то жалость, то ненависть; сердце наполняется то сожалѣніемъ, тоскою, то черная дума пронесется въ головѣ атамана и вызоветъ вспышку горя, жажду мести, мести безъ конца. Я бросилъ родину, жену, ребенка, думалъ Морозъ, а кто въ томъ виновенъ? Кто довѣрилъ меня, что пришло раскроить паскудному ему голову и принять великій грѣхъ на душу? Господи! прости мнѣ мои тѣжкія прегрѣшенія, искупилъ я ихъ многолѣтнимъ страданіемъ и лишеніями. Не увижу я больше очей моей старухи, не прискаю я больше русую головку Фени! Вспомнилъ Морозъ какъ приглянулась его Марья повѣтовому комиссару, какъ началъ комиссаръ тѣснить его, принуждая уступить жену, какъ поставили его не въ очередь въ рекрутчину, забрали ему лобъ, и съ партіей отправили въ Полтаву. Вспомнилъ Морозъ, внизу подъ горою, на берегу Ворсклы, въ пустой жидовской корчмѣ сборище новобранцевъ. Приставлены были къ нимъ капралы, собирались гнать въ Москвщину. Не стерпѣлъ буйный казакъ. Въ снѣжную ночь, пользуясь сномъ дозора, онъ бѣжалъ и какъ тать явился въ свое родное селище. Было уже поздно, на селѣ всѣ спали, но въ его хатѣ мерцалъ огонь. Подошелъ Морозъ къ окошку, видѣть, малютка спитъ въ колыбели, а комиссаръ ластится къ Марѣ. Ровно варомъ обдало казака, въ глазахъ потемнѣло, ничего не помни, вошелъ онъ въ хату: „Тебя кто звалъ сюда, бісовъ сынъ“ проговорилъ онъ и ужаснымъ ударомъ раскроилъ комиссару голову, попавшимся подъ руку топоромъ. Что стало дальше—ничего не помнить; помнить только, что взвыла, какъ сумасшедшая, Марья, заплакала ребенокъ, помнить какъ голодный и холодный пробирался онъ по степи къ морю, пугливо оглядываясь по сторонамъ, взрагивая при малѣшемъ шорохѣ или какъ завидѣть проѣзжаго. Но вотъ онъ на берегу Дуная. Ночь—эти Божьи не видать. Рыбаки пріотились въ шалашѣ, укрываясь отъ пронзительного вѣтра, волны съ шумомъ бились о берегъ, лодочные цѣпи лязгали, напоминая звукъ кандала. Тихо подкрался Морозъ къ берегу, разбилъ камнемъ цѣпь одной лодки и пустился въ бушующую водную мгу расходившагося Дуная, предоставивъ свою жизнь на волю Божью. Высоко вздымалися волны. До самаго утра боролся казакъ съ волнами, работая однimi веслами, и только къ утру, когда сквозь свинцовыя тучи сталъ проглядывать блескъ свѣтла, онъ увидѣлъ, что находился среди широкаго пространства почти стоячей воды, среди нескончаемыхъ лагунъ. Выбившись изъ силъ, онъ предоставилъ лодку идти куда вѣтеръ загонитъ, а самъ легъ на дно и усталый забылся. Было уже совсѣмъ свѣтло. Слышилъ Морозъ—нагоняютъ лодку, слышитъ гребцы говорятъ по русски на родномъ языке, точно въ Краснохижинѣ. Со ена ему показалось, что это погоня, что вотъ его схватятъ, и страшная картина только что пережитаго минувшаго представилась ему во всемъ ужасѣ. „Чекайко хлопецъ, на стремнину попадешь“, слышитъ онъ сзади. Онъ привсталъ, видѣть—запорожцы! видѣть тѣхъ, кого онъ искалъ, къ кому хотѣль приклонить свою грѣшную голову.“

Все это промелькнуло въ головѣ атамана. Теперь онъ сила, власть; у него фірманъ султана на званіе двухъ-бунчужнаго папи; но сила эта и власть куплены дорогой цѣной: отречениемъ отъ родины, отъ семьи.

Лишь только запылалъ востокъ свѣтлою полосою выглянувшаго изъ за небосклона солнца, Буджакскій майданъ снова запу碌ъ и оживился. Не опомнившися со вчерашняго похмѣлья сѣчевики снова подходитъ къ „грековой снадоби“, чтобы опохмѣлиться. Вдали послышалась казацкая пѣсня, атаманы съ тяжелыми головами пришли къ кошевому откланяться. Къ полдню, однако, все приняло обыденный видъ. Атаманы, старшины и казачество разѣхались по куренямъ, а кошевой собрался въ Бабадагъ снова къ пашѣ, еще разъ приглашившему его по нужному дѣлу.

(До слѣдующ. №).

Объ истребленіи саранчи.

(Изъ воспоминаній прошлаго).

Несмѣтныя полчища саранчи свирѣпствуютъ сейчасъ въ Земль Войска Донскаго и на югѣ Воронежской губерніи,—надо полагать,—всѣ усиливъ по ея истребленію останутся теперь безуспѣшными, такъ какъ истреблять ее нужно было еще съ прошлой осени, въ яичкахъ, посредствомъ перепашки зараженныхъ ею полей, или же нынѣшнею весною, когда она только что вывѣлась, и самое позднее—когда она была пѣшею; но когда страшное наскѣкомое окрылилось, то борьба съ нимъ являетъся простымъ спугиваніемъ его съ поля на поле, такъ что въ будущемъ году непремѣнно ожидать надо появленія этой прожорливой гости не только тамъ, гдѣ она сейчасъ работаетъ, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ. А потому слѣдуетъ подумать о серьезной опасности, грозящей будущимъ урожаямъ Россіи *).

* По послѣднимъ извѣстіямъ, летучая саранча появилась, говорятъ, уже въ Рязанской губ. Слѣдовательно, въ виду почти цѣлаго мѣсяца совершение тѣллаго времени, она можетъ залетѣть и гораздо далѣе и можетъ успѣть положить въ нынѣшнемъ году свои яйца на громадномъ районѣ.

Кто незнакомъ съ этимъ, по истинѣ ужаснымъ, обѣгственнымъ бѣдствіемъ, тотъ не можетъ себѣ даже представить всю сумму материальнаго вреда, причиняемаго саранче сельскимъ хозяевамъ. Вся жизненная дѣятельность этого зловреднаго насѣкомаго только и состоитъ какъ будто въ одной ёдѣ, постоянной, никогда не прекращающейся. Посадите саранчу въ банку, наполненную молодымъ хлѣбнымъ зерномъ, и черезъ нѣсколько часовъ не останется тамъ ни одного зернышка и только пожравшее его насѣкомое будетъ ползать въ своихъ собственныхъ экскрементахъ, старательно отыскивая, нельзя ли сожрать еще что нибудь. Гдѣ прошла или проскакала саранча, или куда сѣла летящая ея туча, тамъ не остается ни былинки и вмѣсто зеленѣющей нивы остается голая черная земля. Представьте теперь, при столь необыкновенной прожорливости саранчи, ея неимовѣрную плодовитость и то, что массы ея такъ необычайны, что будучи пѣшими, она ползетъ и заваливаетъ собою

глубокія широкія рѣки и такимъ образомъ переходить черезъ нихъ, какъ бы по живому мосту; а когда летитъ, то туча ея заслоняетъ свѣтъ солнечный, при чемъ эта туча, опускаясь изъ воздуха на землю, сразу покрываетъ пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ,—представьте все это,—и вамъ будетъ понятно, почему человѣкъ называлъ саранчу „Бичемъ Божиимъ“.

Нечего и говорить, что бороться съ симъ бѣдствіемъ каждый человѣкъ въ отдельности не въ состояніи,—бессильно и каждое отдельное земство, ибо здѣсь нужна помощь всеобщая, государственная, такъ какъ нашествіе саранчи равносильно нашествію непріятеля. (Какъ основательными,—замѣчу къ слову,—являются мысли, высказанные не однажды, о необходимости всеобщаго государственного страхования посѣвовъ отъ неурожаевъ!). Но бороться съ этимъ зломъ, даже и общими силами, нужно умѣючи,—иногда много труда пропадаетъ здаромъ, какъ это и происходитъ сейчасъ въ Землѣ Войска Донскаго, причемъ, —какъ сообщаютъ газетныя корреспонденціи—мѣстные жители и даже войска, видя безцѣльность борьбы, ведутъ ее вяло и даже скрыто отказываются принимать въ ней какое либо участіе.

Нѣкоторый опытъ, вынесенный мною изъ многоzahlнаго прошлаго, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ по сему предмету.

Надо сказать прежде всего, что саранча кладеть свои яйца въ особые мѣшечки (до 100 шт. въ каждомъ), покрытые въ сплошную мелкими и тонкими, спускающими снизу, шерстинками, служащими надежною защитою для содергимаго мѣшечка отъ вліянія воды и холода. Но когда этотъ мѣшечекъ перевернуть нижнимъ его концомъ въверху, то вода дѣйствуетъ на него и стѣнки его разрываются. Эти мѣшечки съ яйцами разрываетъ саранча въ землю, обыкновенно съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ ходовъ.—Вотъ поэтому-то, осенняя перепашка полей, зараженныхъ саранчою, (т. е. обнаженіе и перевертываніе мѣшечковъ съ яйцами), является однимъ изъ наилучшихъ и радикальнѣйшихъ способовъ для ея уничтоженія. Мѣшечки съ яйцами саранчи раздѣляются обыкновенно перепонками на три отдельныхъ кѣточки, почему она и рождается всегда *тремя*, слѣдующими однимъ за другимъ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, выводками.

Сдѣлавъ это предварительное замѣченіе, (показывающее между прочимъ, что нынѣшнимъ истребителямъ саранчи нечего было удивляться, что она зарождалась нѣсколько разъ подъ рядъ, ибо такъ и быть должно), перехожу къ изложенію фактовъ, которыхъ я былъ, слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, самоличнымъ свидѣтелемъ.

Лѣтомъ 1859 г., изъ Болгаріи, Сербіи и Румыніи, сильными юго-восточными вѣтрами были панесены громадныя тучи саранчи въ Бессарабію, въ Херсонскую и Екатеринославскую губерніи; но, къ счастію, уборка полей въ большинствѣ случаевъ уже окончилась и вредъ отъ саранчи не былъ слишкомъ громаденъ; она истребила лишь поздніе яровые и жниво и сильно пощортила фруктовые сады, а также лѣса и луга. Но въасѣкомое, на громадныхъ площадяхъ,—особенно въ мѣстностяхъ между Кишиневомъ и Одессою,—положило яйца, а слѣдовательно главного бѣдствія нужно было ожидать въ слѣдующемъ, 1860 году. Но, благодаря энергическимъ мѣрамъ тогдашнимъ генераль-губернатора Новороссійскаго края графа Строганова и начальника тамошняго военнаго округа, генерала Безака, при дружномъ содѣйствіи другихъ властей: генерала Жуковскаго, Башмакова и генерала Катакази, а также мѣстныхъ землевладѣльцевъ: графа Толстаго, князя Аргутинскаго, Долгорукова, кн. Абомелика, Гросуль Толстаго, Свѣчина, Аврамова и друг., зло было уничтожено, что называется, въ самомъ его корнѣ.

Графъ Строгановъ распорядился образовать по всѣмъ уѣздамъ вѣренного его управлению края комитеты изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, причемъ лицамъ, завѣдующимъ работами по истребленію саранчи, генералъ Безакъ, въ послѣдствіи времени, предоставилъ распоряженіе всѣ свободныя мѣстныя войска. Работы начались съ перенаки зараженныхъ саранчою полей,

Пр. Несторъ, Епископъ Алеутскій и Аляскинскій. † 30 Июня 1882 г.
Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

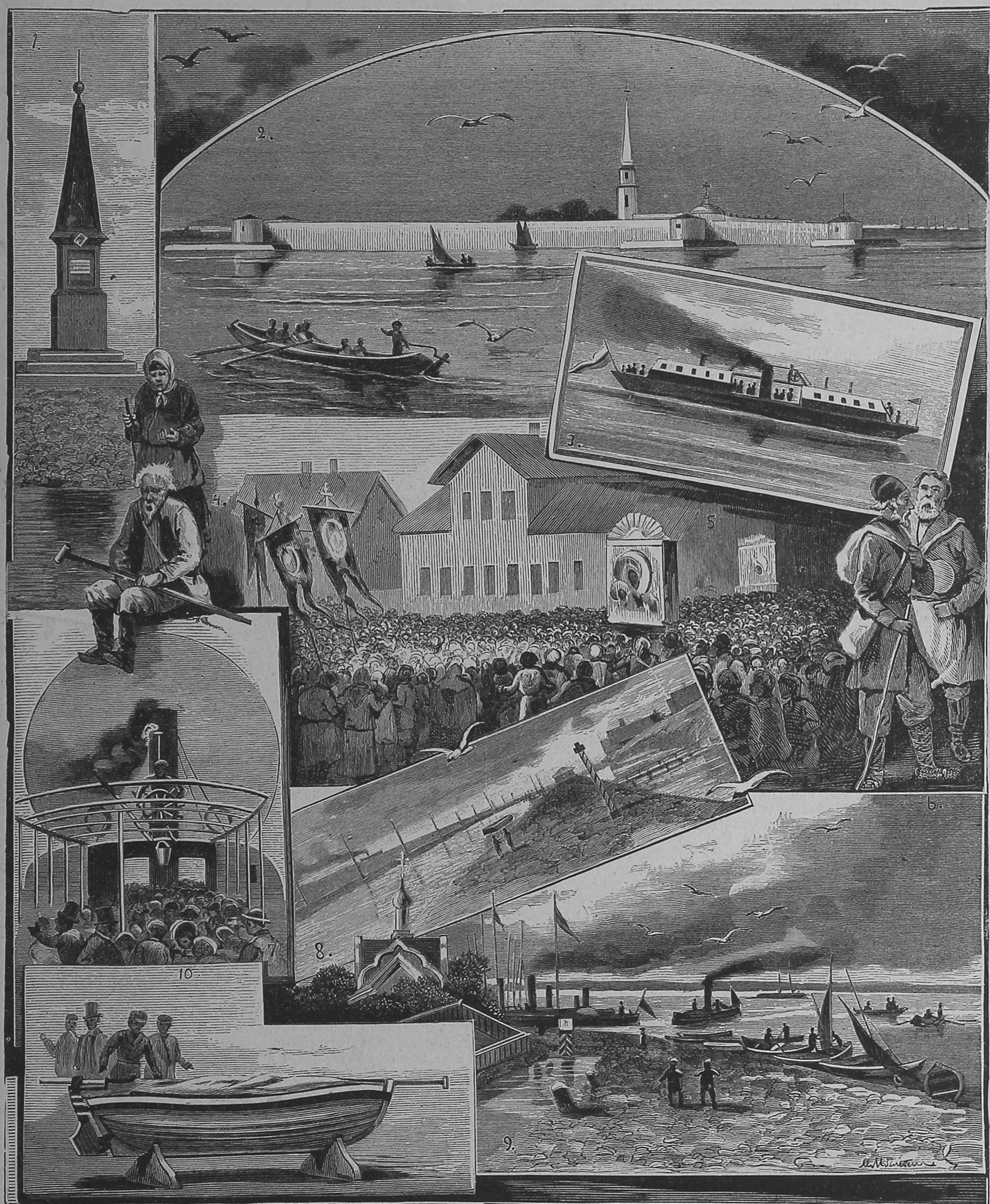
осенью же 1859 г.; независимо отъ того, распорядители работъ назначили денежную премію за каждый фунтъ доставленныхъ имъ коконовъ съ яичками саранчи, сдѣлавъ предварительно это свое распоряженіе заблаговременно извѣстнымъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ, такъ что въ этихъ работахъ съ охотою приняли участіе почти всѣ крестьянскія дѣти, до 8 и даже 7 лѣтнаго возраста. Затѣмъ, весною 1860 г., когда саранча вывѣлась—а вывѣлось ея, несмотря на распашку полей и истребленіе ея коконовъ, всетаки весьма много,—и выросла до величины кошачьей блоки, то ее стали истреблять особыми „пара-конными ловушками“, придуманными тогда г. Аврамовымъ. Насколько успешно дѣйствовали эти „ловушки“, мы слышали тогда и даже видѣли подтверждающую то обстоятельство официальную бумагу, выданную однимъ изъ комитетовъ по истребленію саранчи, что однимъ изобрѣтателемъ сихъ ловушекъ

Н. Н. Аврамовымъ „было истреблено саранчи примѣрно до 125000 четвертей, чѣмъ, можно сказать безъ преувеличенія“, говорится въ той бумагѣ, „онъ, г. Аврамовъ, спасъ многія изъ южныхъ губерній отъ грозящей ихъ урожаемъ опасности“. Но такими же ловушками дѣйствовали, кроме г. Аврамова, и другие распорядители. Эта полезная выдумка—была нехитрая, но крайне простая и состояла изъ четырехъугольнаго ящика, въ 3 аршина длины, 2 ширины и верхковъ въ 10 высоты, съ деревяннымъ плотнымъ досчатымъ дномъ, скрѣпленнымъ двумя шинами изъ полосового желѣза, и полотнными стѣнками, натянутыми на шести вертикальныхъ деревянныхъ стержняхъ, воткнутыхъ въ дно ящика, по краямъ его. Къ желѣзнымъ кольцамъ помянутыхъ двухъ шинъ пристегивались крючья построекъ отъ цары лошадей. Вотъ и вся механика, дѣйствіе которой будетъ понятно изъ слѣдующаго.

Надо замѣтить, что только что выпутившаяся изъ яичекъ саранча, въ видѣ блокъ (но только ползающихъ, а не скачущихъ), имѣтъ обыкновеніе гнѣздиться днемъ почти у самыхъ корней травы или хлѣбныхъ колосьевъ, но она не терпить сырости и холода, а потому съ позднаго вечера до тѣхъ самыхъ поръ, пока солнце не прогреетъ землю, она собирается вся на верхушки травы, или колосьевъ, покрывая всю ниву, гдѣ она развелась, сплошнымъ и густымъ чернымъ покровомъ. Раннею утреннею зарею десятки параконныхъ ловушекъ г. Аврамова, слѣдя въ рядъ другъ за другомъ, такъ чтобы край каждой задней ловушки захватывалъ край передней, быстро передвигались запряженными въ нихъ парами лошадей по зараженнымъ вреднымъ насѣкомъ полямъ, и саранча-блока сваливалась въ полотняные ящики, а затѣмъсыпалась въ предварительно вырытая ямы и закапывалась въ землю. Такая поѣздка ловушекъ по полямъ повторялась нѣсколько разъ подъ рядъ. Но и эта обильная и успешная ловля народившейся саранчи всей ея не истребила, и массы ея всетаки развились и выросли въ пѣшие многомилліонные полки; но тогда мѣстныя войска, заблаговременно и благоразумно размѣщенія генераломъ Безакомъ и отдавшіи имъ въ руки распорядителей, при помощи сельского населенія, блистательно докончили истребленіе саранчи, такъ что къ 61 году ея не оставалось во всемъ Новороссійскомъ краѣ буквально ни одной особи.

Я не знаю, какіе и чьи именно были отпущенія въ 1859 и 1860 гг. въ распоряженіе графа Строганова суммы для истребленія саранчи въ Новороссійскомъ краѣ, и въ какомъ количествѣ, но могу свидѣтельствовать, какъ очевидецъ, что многие изъ распорядителей жертвовали для борьбы съ симъ зломъ значительными личными средствами, дѣйствовали энергично и никакихъ жалобъ на какія либо недоплаты за работы со стороны крестьянъ и войскъ, отъ последнихъ никуда и никогда не чоступало; точно также нигдѣ не видѣлъ я тогда, чтобы истребленіе зловреднаго насѣкомаго совершалось легонькими метелочками, какъ это практикуется сейчасъ; не видѣлъ также и употребленія деревянныхъ тяжелыхъ надолбъ, для раздавливанія, а между тѣмъ уничтоженіе саранчи было произведено сполна успѣшно.

А посему, я полагаю, что современнымъ дѣятелямъ по уп-

1. Обелискъ на каналѣ Императора Александра II. 2. Видъ крѣпости „Орѣшкѣ“ со стор. города. 3. Пароходъ „Товарищество Первозванъ“. 4. Ницѣ. 5. Подхожденіе подъ икону. 6. Паломники. 7. На пароходѣ изъ Шлиссельбурга. 8. Каналъ Императора Александра II. 9. Пристань и крѣпостная часовня. 10. Ботикъ Императора Петра.

Г. Шлиссельбургъ. Празднованіе явленія иконы Казанской Божіей Матери 8 Іюля.
Ориг. рис. Малышева, грав. М. Рашевскій.

что же саранчи было бы во всякомъ случаѣ небезполезно заглянуть въ архивы дѣла комитетовъ Новороссійскаго края 1859 и 1860 годовъ; они найдутъ тамъ много поучительнаго.

Между прочимъ,—считаю не лишнимъ сообщить, что въ настоящее время, не худо бы было для истребленія саранчи употребить въ дѣло изобрѣтеніе новѣйшей техники,—но только не паръ,—какъ хлопочутъ о томъ нѣкоторые изъ нашихъ ученихъ инженеровъ,—а извѣстные и уже испытанные на практикѣ углекислые огнегасители и пожарныя трубы, дѣйствующія струею зажженной нефти. При употребленіи первыхъ изъ сихъ аппаратовъ, отдаляющаяся изъ огнегасительныхъ растворовъ масса углекислого газа, густо стелящаяся книзу, весьма вѣроятно, должна душить саранчу, собранную въ канавы, или

кучи, или даже тогда, когда она ползаетъ близъ корней хлѣбныхъ и травяныхъ стеблей, причемъ употребленіе сего средства не принесетъ никакого вреда зараженной саранчей нивѣ. Что же касается пожарныхъ трубъ, дѣйствующихъ сильно бьющими фонтанами воспламененной нефти, то нечего и говорить, что этотъ адскій огонь вполнѣ способенъ испепелить не только цѣлыя кучи зловредного насѣкомаго, но и кучи труповъ большихъ животныхъ... Конечно, трудно сказать напередъ и навѣрное что либо положительное относительно успѣшнаго дѣйствія этихъ двухъ средствъ, но опытъ съ ними произвести возможно, даже и теперь, благо этотъ опытъ не представляетъ никакихъ затрудненій и совсѣмъ недорогъ.

А. Заринъ.

Пр. Несторъ, епископъ Алеутскій.

(Портр. на стр. 768).

Многимъ ли извѣстны подвиги труднаго служенія нашихъ миссіонеровъ на отдаленныхъ окраинахъ нашего отечества. Между тѣмъ какъ назидательны примѣры такой высокой дѣятельности подвижниковъ, въ средѣ своихъ имѣвшихъ знаменитаго Иннокентія, бывшаго митрополита Московскаго. Къ числу такихъ подвижниковъ принадлежитъ погибшій 30-го іюня 1882 г. въ волнахъ Атлантическаго океана, при обозрѣніи своей епархіи, преосв. Несторъ, епископъ Алеутскій, вступившій на этотъ путь по истинному, глубокому убѣждѣнію, сердечному влечению и призванію.

Преосвященный Несторъ былъ сынъ флотскаго офицера русской службы и происходилъ изъ лифляндскихъ дворянъ, нося въ мірѣ имя Николая Павловича фонъ-Зассъ; родился онъ въ г. Архангельскѣ 8-го декабря 1825 года.

Оставшись сиротой на 7-мъ году отъ рожденія, онъ былъ принятъ на воспитаніе въ Александровскій кадетскій корпусъ, потомъ переведенъ въ морской кадетскій корпусъ, гдѣ и получилъ образованіе, выйдя съ чиномъ мичмана 18 лѣтъ. Когда онъ получилъ чинъ лейтенанта, то его распорядительность и образцовое командованіе частью обратили на него вниманіе его начальства.

Морская служба могла доставить Н. П., при знаніи имъ языковъ, хорошую карьеру; но скромный и тихій отъ рожденія, онъ вдругъ твердо задумалъ посвятить себя духовной дѣятельности и, несмотря на совѣты родныхъ и препятствія по службѣ, Николай Павловичъ рѣшилъ поступить въ монастырь, что и исполнилъ на 25-мъ году своей жизни.

Въ 1850 году, образованный и дѣльный морской офицеръ промѣнялъ военный мундиръ на подрясникъ послушника и принялъ быть въ Александро-Невскую Лавру. Но вскорѣ переведенъ въ монастырь Киновію, на испытаніе въ послушаніи, подъ руководство строгаго инона Паисія Кривоборскаго; здѣсь, ведя самую тяжелую, трудовую жизнь, новый послушникъ не искугался, безропотно исполнялъ всѣ приказанія учителя и былъ признанъ достойнымъ получить званіе рясофорного монаха.

Тяжелая для русского государства война пятидесятыхъ годовъ принимала все болѣе широкіе размѣры, когда въ армію потребовалось много духовниковъ, въ число которыхъ вступилъ и новый іеромонахъ Несторъ. Въ два года пребыванія его въ рядахъ арміи ему пришлось перенести не мало разныхъ душевныхъ потрясеній, исповѣдь и смерть его роднаго брата, команда бастіона, семья которого вся погибла отъ разрыва бомбы. Дѣятельность іеромонаха Нестора въ рядахъ сражающихся была поистинѣ христіанская, и всѣ, кому пришлось встрѣтиться съ о. Несторомъ въ минуты страданій, говорили, что самъ Богъ послалъ имъ его на утѣшеніе.

По окончаніи войны, іеромонахъ Несторъ просилъ позволенія жить въ Соловецкомъ монастырѣ, но пробылъ тамъ 11 мѣсяцевъ, долженъ былъ оставить обитель, потому что братія единогласно избрала его на мѣсто игумена. Изѣгая почестей, онъ хотѣлъ быть лишь простымъ монахомъ, быть полезнымъ ближнему и молиться. Возвратясь въ Александро-Невскую лавру, о. Несторъ сталъ въ ряды простыхъ монаховъ, строго исполняя послушаніе. Въ 1861 году іеромонаху Нестору было предложено занять мѣсто церковнослужителя на фрегатѣ „Ослібя“, отправляющемся въ Америку; компанія была довольно продолжительна и фрегатъ „Ослібя“ проплавалъ у американскихъ береговъ три года; за это время іеромонахъ Несторъ часто бывалъ въ обществѣ духовенства англиканской церкви, благодаря знанію англійскаго языка, имѣлъ возможность присутствовать на религіозныхъ диспутахъ. Спокойная, твердая рѣчь пр. Нестора и ясность доказательствъ въ сомнительныхъ вопросахъ вѣры поражали и американскихъ епископовъ.

Возвратившись изъ дальн资料о плаванія, о. Несторъ надѣялся сосредоточиться и вновь вести келейную жизнь, но вскорѣ получилъ назначеніе быть духовникомъ въ морской исправительной тюрьмѣ,—легко сказать быть духовникомъ преступниковъ, находящихся въ одиночномъ заключеніи! Но достойный пастырь, бодрый духомъ и сильный вѣрою, сталъ съ особыніемъ вниманіемъ слѣдить за преступниками и въ большинствѣ случаевъ достигалъ удивительныхъ результатовъ. Самая черствая

души, самая озлобленная натуры выходили изъ тюрьмы обновленными вѣрою и благословляя день, когда впервые встрѣтились съ достойнымъ пастыремъ. Три тода трудился о. Несторъ, находясь ежедневно на сквозномъ вѣту, и это сильно повлияло на его здоровье—онъ получилъ ревматизмъ головы и, сознавая немощь, просилъ высокопреосвященнаго Исидора уволить его отъ занимаемой имъ должности, чтобы укрѣпить здоровье. Но Владыка посмотрѣлъ на дѣло иначе, и находя возможнымъ согласить лечение съ пользой для другихъ—приказалъ отправиться отцу Нестору на югъ Франціи, въ Нижніе Пиренеи, въ небольшой городокъ По, извѣстный своими дѣлебными водами и куда прїезжало много русскихъ.

Окруженный иностранцами, о. Несторъ первое время перенесъ не мало тяжелыхъ впечатлѣній, но послѣдующая его жизнь въ этомъ городкѣ возбудила къ нему общее уваженіе; тутъ, подъ его руководствомъ и наблюдениемъ, выстроенъ православный храмъ и его заботами собранъ капиталъ въ 30,000 франковъ для поддержанія храма.

Въ началѣ 1878 года іеромонахъ Несторъ получилъ предложеніе занять епископскую кафедру въ Сѣверной Америкѣ. Скромный инонъ просилъ избавить его отъ такого почетнаго и высокаго поста, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что несознаетъ себя сильнымъ въ богословіи и характеръ имѣеть слабый; между тѣмъ, по дѣламъ церкви ему надо было прїѣхать въ Петербургъ, разрѣшеніе на отпускъ отецъ Несторъ получилъ и въ маѣ поселился въ Александро-Невской лаврѣ. Снова получивъ предложеніе быть епископомъ въ Америкѣ, онъ и на этотъ разъ просилъ, чтобы выбрали болѣе достойнаго. Осенью же ему рѣшительно объявлено, что избранъ именно онъ, какъ наиболѣе подходящій человѣкъ для занятія епископской кафедры въ Америкѣ. Отказываться въ третій разъ было невозможно и въ октябрѣ 1878 г. іеромонахъ Несторъ былъ посвященъ въ архимандриты, а 17 декабря принялъ хиротонію въ Александро-Невской Лаврѣ и нареченъ епископомъ Новоархангельскимъ.

1879 года въ мартѣ преосвященный Несторъ отправился къ своему новому посту и со 2-го мая поселился въ Санть-Франциско.

Трехлѣтняя дѣятельность преосвященнаго Нестора на Алеутскихъ островахъ представляетъ то же зрѣлище вѣчнаго труда, самоотверженія и неустаннаго занятія своимъ великимъ дѣломъ. Трудны и часты были переѣзды изъ одной миссіи въ другую. Несторъ первый объѣхалъ и подробно осмотрѣлъ вновь учрежденную епархію, которая до сихъ поръ была подъ непосредственнымъ управлѣніемъ протоіерея, уже давно поселившагося въ Америкѣ.

Послѣднее путешествіе преосвященнаго Нестора было начато въ концѣ апрѣля 1882 года. Онъ отправился къ Берингову проливу, въ Михайловскій редутъ и постыль миссіонерскій станъ Квихнако, гдѣ думалъ зазимовать, но 22 іюня преосвященный сказалъ священнику, что „чувствуетъ себя не хорошо, и что это къ смерти.“

Въ тотъ же день онъ измѣнилъ свое рѣшеніе остатся на зиму въ Квихнако и переѣхалъ на пароходъ. 27 іюня преосвященный служилъ литургію въ Михайловскомъ редутѣ и опять сказалъ: „мнѣ кажется, что я не доживу этотъ годъ“—потомъ прибавилъ: „Не пугайтесь, власть Господня! я каждый часъ готовлюсь къ смерти.“

30 іюня, возвращаясь изъ Михайловскаго редута въ Санть-Франциско, преосвященный Несторъ, вслѣдствіе внезапнаго головокруженія, упалъ въ море и утонулъ въ 15 миляхъ отъ Михайловскаго редута.

Не смотря на всѣ мѣры, принятые къ розысканію утонувшаго, тѣло было найдено только 8-го августа въ 130 миляхъ отъ Михайловскаго редута къ сѣверу, и при этомъ всѣхъ поражало, что оно, находясь болѣе пяти недѣль въ водѣ, не подверглось разложенію и не повреждено морскими рыбами.

Достойный пастырь, высокій труженикъ, погибъ на службѣ исполняя свое призваніе.

Къ рисункамъ.

Пѣвица.

(Рис. на стр. 756 и 757).

Увѣренная въ своемъ талантѣ, красавица смѣло и граціозно выходитъ на эстраду передъ многочисленной, жаждущей ее слышать публикой. Съ поднятой прелестной головкой, выступила она, и вотъ полились чудные, нѣжные, чарующіе звуки молодаго, свѣжаго, сильнаго голоса. Шопотъ восторга и одобренія проносится по многочисленнымъ рядамъ зрителей, на которыхъ смотритъ она, никого не видя, изрѣдка различая кое-гдѣ знакомыя лица. Она чувствуетъ, ясно чувствуетъ свой успѣхъ, и это сознаніе успѣха какъ бы окрыляетъ ее, поднимаетъ надъ толпой и съ норымъ одушевленіемъ и силою несутся въ толпу чудные звуки. Тутъ она въ своей сфере, тутъ ея жизнь, ея слава, ея гордость. Ничто въ жизни—ни любовь, ни дружба—быть можетъ не доставляютъ ей того высокаго наслажденія, такихъ минутъ восторга, какъ искусство, которое она такъ любить, что не промѣняетъ его ни на что въ свѣтѣ...

Уженѣе рыбы.

(Рисун. на стр. 761).

Превосходно выраженная тема! Въ тихое, лѣтнєе прохладное утро, особенно хорошо ловится рыба, и вотъ поченный дачникъ-рыболовъ всталъ на зарѣ, наладилъ свои удочки, крючки и снасти и идетъ на затянутый зарослью берегъ. Вода такъ зеркально свѣтла и прозрачна; изрѣдка пойдутъ яркіе правильные круги отъ плеснувшей рыбки; пахнетъ травой и приятной сыростью съ рыбки, надъ которой еще стоитъ легкій утренній туманъ; а солнце уже горячо припекаетъ. И хорошенькимъ дочкамъ страстнаго рыболова скучно было бы оставаться однимъ на дачѣ и онѣ спозаранку проснулись, купались и свѣжія, какъ это утро, усѣлись въ тѣни береговыхъ кустовъ слѣдить за успѣхами родителя въ его охотѣ, а главное углубиться въ чтеніе любопытнаго романа, который онѣ вчера, усталыя, бросили на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда интрига разыгрывалась особенно заманчиво.

Древнія ворота въ Гаарлемѣ.

(Рис. на стр. 764).

Гаарлемъ, городъ въ Нидерландской провинціи Сѣверной Голландіи (40000 ж.), извѣстный между прочимъ разведеніемъ цвѣтовъ, до настоящаго времени сохранилъ, за исключеніемъ новыхъ частей, интересный типъ старого голландскаго города.

Но и здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ,уваженіе къ старымъ сооруженіямъ и памятникамъ не особенно велико, такъ что по немногимъ только остаткамъ, замѣчательнымъ по историческому значенію, можно судить о художественныхъ произведеніяхъ Голландіи 1600 годовъ. Городскія стѣны давно уже уничтожены, а изъ пяти городскихъ воротъ, остались только одни Амстердамскія ворота, построенные въ 1355 году для защиты города, которая изображены на стр. 764. Гаарлемъ, что касается памятниковъ старого искусства и зодчества, обладаетъ многими богатыми художественными собраніями, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ городской музей, гдѣ собраны всѣ замѣчательныя творенія Гаарлемскаго художника Франца Гальса. По нимъ можно прослѣдить всѣ степени развитія этого таланта. Далѣе замѣчательны: музей колоніальный, гдѣ выставлены образцы всѣхъ произведеній богатыхъ колоній Голландіи, музей Тэйлора, и музей епископскій, хотя и не такой богатый какъ въ Уtrechtѣ, но владѣющій многими замѣчательными предметами цвѣтушихъ эпохъ искусства.

Гора Тепекерменъ близъ Чуфутъ-Кале.

(Рис. на стр. 765).

Чуфутъ-Кале—одно изъ старѣшихъ поселеній Крыма. Въ старину оно было сильной крѣпостью; теперь же это небольшой городокъ, обитаемый почти исключительно евреями-караміями и отстоящій въ 3-хъ верстахъ отъ Бахчисарая. Мѣстоположеніе Чуфутъ-Кале очень живописно: онъ раскинутъ на вершинѣ отдаленной, голой и кремнистой скалы въ 2500 футовъ высоты и окруженъ пещерами, соединенными между собою подземными ходами. Въѣзжая въ Чуфутъ-Кале древними желѣзными воротами, обыкновенно запирающимися съ восходомъ солнца, какъ будто вступаешь въ какой нибудь фантастический городъ, въспнувшій тысячу лѣтъ тому назадъ. Всюду на васъ смотрятъ обветшалые камни, покрытые вѣковою пленью, повсюду изъ горныхъ толщъ зияютъ черныя, глубокія отверстія пещеръ и видны живописныя развалины—слѣды страшнаго разрушенія. Улицы своею узкостью напоминаютъ города дальнаго востока, а около самаго обрыва скалы лѣпятся каменные дома и видны пещеры, которые снизу, отъ подошвы горы, кажутся какими-то итическими гнѣздами. Недаромъ караимъ находить мѣстоположеніе Чуфутъ-Кале очень сходнымъ съ мѣстоположеніемъ Іерусалима. На сѣверѣ, за долиною Ашламъ-Деръя, лежитъ гора Майданъ-Дагъ, напоминающая Масличную гору въ Святомъ

городѣ. На югѣ, за долиною Кизиль-Деръя, лежитъ гора Башигъ-Дагъ, т. е. колыбель-гора, названная такъ по сходству ея съ колыбелью и покрытая орѣховымъ кустарникомъ. У подошвы ея находится источникъ Юсупъ-Чокрекъ, т. е. фонтанъ Іосифа. На востокѣ, за главными воротами простирается черноземная полоса—мѣсто пастваща, а четверть версты далѣе лежитъ Іосафатова долина—общирное караимское кладбище. Своимъ названіемъ она напоминаетъ караимамъ Іосафатову долину въ Іерусалимѣ и считается у нихъ исконнымъ мѣстомъ погребенія всего ихъ племени. Такъ ученый караимъ Авраамъ Фирковицъ отыскалъ здѣсь надгробные памятники 38 и 180 года по Р. Х. и старался этимъ доказать, что Чуфутъ-Кале уже въ древности былъ заселенъ караимами. Дѣйствительно, если вѣрить еврейскимъ лѣтописямъ, то еще за 513 лѣтъ до Р. Х., израильяне, несогласные съ іudeями Іерусалима, прервали съ ними всякия сношенія и переселились вмѣстѣ съ мидійцами въ Крымъ. Мѣстомъ ихъ поселенія между прочимъ былъ и Чуфутъ-Кале, названный Села-Юхудимъ, т. е. „Іудейская скала“. При владѣніи Крымомъ хазаръ, Чуфутъ-Кале оставался неприосновенnoю крѣпостью караимовъ. Съ XIV по XVII столѣtie Чуфутъ-Кале начинаетъ быть извѣстнымъ подъ именемъ Кыркера; здѣсь часто устраивали себѣ мѣстопребываніе крымскіе ханы, какъ въ крѣпости чрезвычайно крѣпкой и недоступной. Памятниками владычества здѣсь татаръ остался надгробный мавзолей, сооруженный въ честь Неникеджанъ Ханы, дочери Тохтамыша, и такъ называемая ханская темница—двуихърусная пещера, въ которой нѣкогда ханы содержали и казнили своихъ преступниковъ. За упомянутой нами Іосафатовой долиной, въ трехъ верстахъ разстоянія, возвышается высокая, конусообразная гора очень правильной формы. Эта гора названа Тене-Керменъ. У подошвы ея растетъ орѣхникъ, а на вершинѣ высѣчены въ скалахъ обширныя пещеры, въ которыхъ встрѣчаются человѣческія кости и остатки каменной утвари. Въ одномъ мѣстѣ даже видна высѣченная въ камнѣ церковь съ алтаремъ и двумя колоннами, на которыхъ изображены кресты; здѣсь, по народному преданію, скрывались для богослуженія древніе христіане. За горою Тене-Керменъ открывается восхитительный видъ: отсюда видна вся цѣнь южнаго берега Крыма и величественный Четырѣ-Дагъ, окруженный, въ живописномъ безпорядкѣ, русскими и татарскими селами. Далѣе видѣнъ Бахчисарай, Черное море, Камышевая бухта Севастополя и роскошная панорама долинъ, селеній и дачъ, которыя теряются наконецъ въ безконечной, туманной дали.

Шлиссельбургъ. Древняя икона Казанской Божіей Матери.

(Рис. на стр. 769).

Прогулка на пароходѣ въ Шлиссельбургъ, отстоящій лишь въ 60 верстахъ отъ нашей сѣверной столицы, при истокѣ Невы въ Ладожское озеро, вообще не лишена интереса. Здѣсь сохранилось много остатковъ старины, хоть и не особенно глубокой, но тѣмъ не менѣе достойной вниманія. Особенно много уцѣлѣло здѣсь воспоминаній объ эпохѣ Петра Великаго, который, взявъ штурмомъ 2 октября 1702 года, послѣ отчаянной обороны, этотъ крѣпкій оплотъ Шведовъ, еще болѣе укрѣпилъ его и назвалъ Шлиссельбургомъ, т. е. ключемъ-городомъ—название доказывающее то высокое значеніе, которое придавалъ ему нашъ великий преобразователь. До Петра этотъ городъ, основанный еще Новгородцами въ 1295 году, назывался Орѣшкѣ или Орѣховъ, пока не попалъ въ руки Шведовъ, которые буквально перевели это название на свой языкъ и называли его Ноттебургомъ.

Ежегодно около 8 юля въ Шлиссельбургѣ замѣчается особое оживленіе; сюда стекаются богомольцы всякаго званія, пола и возраста, къ празднику Казанской Божіей Матери, которой мѣстная чудотворная икона замѣчательна своею древностью и странною судьбою. Это святыня вмѣстѣ съ другою иконою Св. Иоанна, обрѣтена вскорѣ послѣ взятія крѣпости Петромъ Великимъ въ стѣнѣ шведской кирки. Какъ попала туда икона—этотъ вопросъ разрѣшается различно, но вѣроятнѣе то предположеніе, что шведская кирка была нѣкогда, еще во времена владычества здѣсь Новгородцевъ, православною церковью, и что иконы были заложены въ стѣну самими русскими, во времена нашествія на новгородскую землю, въ 1611 году, шведскаго полководца Делагарди, чтобы спасти эту святыню отъ непріятельского захвата.

На нашемъ рисункѣ изображены виды нѣкоторыхъ достоприимѣчательностей Шлиссельбурга, какъ-то: обелискъ на каналѣ Імп. Александра II, видъ крѣпости Орѣшкѣ, видъ канала, пристани съ часовней и ботикъ Петра I. Затѣмъ справа пароходъ „Товарищество Первенецъ“, привозящій богомольцевъ. Въ серединѣ рисунка—сцена празднованія. „Подхожденіе подъ икону“, когда ее поднимаютъ надъ народомъ и все вѣруги проходятъ, наклоняясь, подъ нею. На паперти и посреди наряда, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, многочисленные нищіе и богомольцы-паломники, пришедши изъ дальнихъ мѣстъ.

Еще при Петре крѣпость Шлиссельбурга пріобрѣла извѣстность государственной темницы. Такъ здѣсь еще въ 1718 году была заключена царица Евдокія, первая супруга Петра, которая цѣлыхъ 9 лѣтъ провела въ одной изъ крѣпостныхъ башенъ, обращенной окнами на непривѣтливую даль Ладожского озера. Послѣ царицы Евдокіи самыми извѣстными узниками Шлиссельбурга были: Биронъ, знаменитый временщикъ въ царствование Анны Иоанновны, и принцъ Иоаннъ Антоновичъ. Теперь шлиссельбургская крѣпость конечно не возбуждаетъ прежняго страха, но тѣмъ не менѣе виѣшній видъ ея не производить пріятнаго впечатлѣнія. Желтоватыя ея стѣны замыкаются по угламъ круглыми башнями съ красными кровлями. Эти массивныя башни ограждены бастіонами, осыпанными булыжникомъ, а сверху обложенными дерномъ. Съ крѣпостной стѣны видна широкая даль; съ одной стороны представляется взорамъ небольшой городъ, проѣзжанный каналомъ, по которому тянется длинная вереница судовъ, вдали высокій Преображенскій берегъ съ кладбищенской церковью, а съ другой стороны—обширный заливъ Ладожского озера, съ бѣльюющими на немъ парусами. Подъ крѣпостной соборной церкви Св. Иоанна Предтечи, возвышается большая, продолговатая насыпь; это мотила русскихъ и шведовъ, павшихъ при штурмѣ крѣпости.

Самодѣйствующій комнатный фонтанъ.

Въ виду необыкновенно благопріятныхъ, въ гигиеническомъ отношеніи, результатовъ, достигнутыхъ установкой въ комнатахъ фонтановъ, очищающихъ и увлажняющихъ воздухъ, мы помѣщаемъ рисунокъ и описание усовершенствованного фонтана, изготовленного Людовикомъ Гейнрици въ Цвикау. Всѣ новыя приспособленія, сдѣланы въ самодѣйствующемъ фонтанѣ, имѣли цѣлью сообщеніе аппарату большей простоты и болѣе плавнаго хода, не производящаго никакого шума, что очень важно для комнатъ.

Составленіе частей фонтана производится при помощи свинчиванія, при этомъ машина вставляется въ столъ такъ, какъ удобнѣе всего приходятся соединительныя трубки. Затѣмъ отпускаютъ немного находящуюся на вилообразной или расходящейся трубѣ гайку и надавливаютъ ее нижнимъ концомъ съ надѣтымъ на нее гуттаперчевымъ кольцомъ въ отверстіе бассейна, завинчиваютъ снова гайку приложеніемъ къ фонтану ключемъ, вставляютъ бассейнъ въ подставку и соединяютъ у двигателя гуттаперчевую трубку боковой отводной трубки вилообразной трубы, точно также какъ и среднюю трубку вилообразной трубы. Соединеніе производится простой насадкой гуттаперчевыхъ кишечъ на трубки. Далѣе привинчиваютъ нагревательный сосудъ въ направленіи, обозначенномъ стрѣлкою, наливаютъ въ него полную мѣру воды и завинчиваютъ ключемъ. Послѣ того двигатель намазывается масломъ.

Приложенная къ фонтану лампа наполняется спиртомъ, накладывается на нее цилиндръ и верхнимъ отверстиемъ вставляется въ нагревательный сосудъ; лампа же ставится на среднее кольцо столика.

Если хотять привести фонтанъ въ дѣйствіе, то прежде всего наполняютъ бассейнъ водою, зажигаютъ лампу и винтикомъ отъ свѣтильни регулируютъ пламя, которое должно быть умѣренное; спустя минуты 3 поворачиваютъ одинъ разъ колесо двигателя по направленію стрѣлы, послѣ чего фонтанъ начинаетъ дѣйствовать.

При болѣе частомъ употреблении слѣдуетъ наблюдать, чтобы свѣтильня лампы не обуглилась, въ случаѣ чего ее нужно обрѣзать.

Если же напряженіе машины слишкомъ велико и она идетъ неравномѣрно, то это устраняется винтомъ, который поворачиваютъ немнога налево.

Очистка машины и въ особенности нагревательного сосуда и спускающагося цилиндра, а также наполненіе сосуда водою, должно производиться ежедневно. Для смазыванія машины употребляется только масло, не заключающее въ себѣ кислотъ.

Новые счеты Ю. Дьякова.

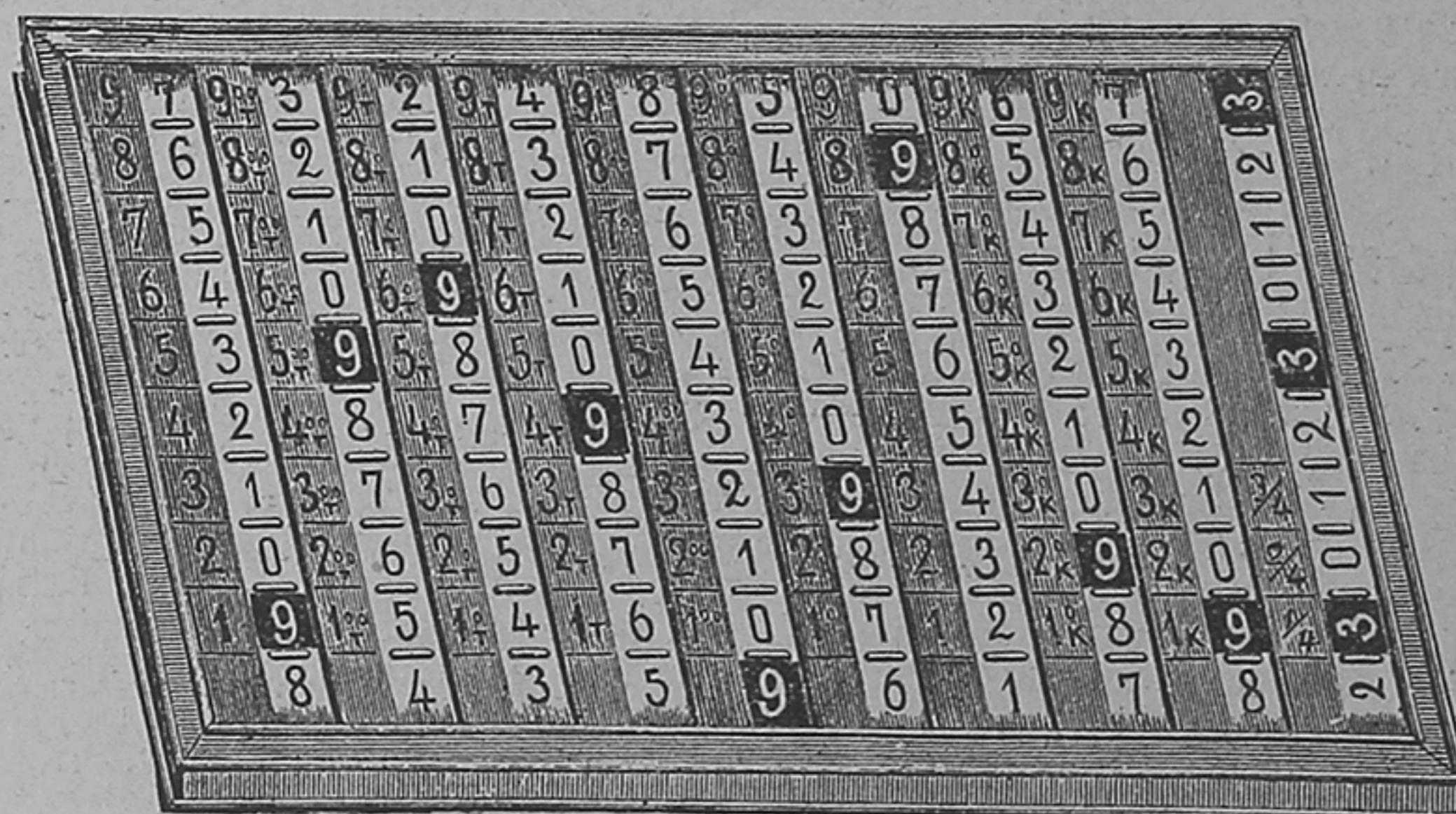
Утомительность значительныхъ ариѳметическихъ выкладокъ, какъ извѣстно, вредно вліяющая даже на общее состояніе организма, заставляла съ весьма давнихъ временъ изыскивать средства къ облегченію этой работы, путемъ превращенія этой дѣятельности въ чисто механическую работу.—Съ этою цѣлью въ разное время предлагались различные машины, которые вначалѣ были весьма сложны, но затѣмъ все болѣе упрощались. На предпослѣднюю парижскую всемирную выставку 1867 г. нѣкто г. Тома изъ Кольмара представилъ снарядъ, названный имъ ариѳмометромъ. Это первый такой снарядъ, который можно назвать до нѣкоторой степени удобнымъ. Онъ переносится съ одного мѣста на другое (при всѣхъ однако около пуда), помѣщается на столѣ, и проч. Машина эта, представляющая по своему устройству сочетаніе различныхъ зубчатыхъ колесъ, крючковъ и т. п., преимущественно служить для производства дѣйствій: умноженія и дѣленія. Что касается сложенія и вычитанія, то они производятся на ней съ меньшимъ удобствомъ, чѣмъ напримѣръ на обыкновенныхъ общезвестныхъ русскихъ счетахъ. Эта машина, однако, не гарантируетъ вполнѣ вѣрности результата вычислений, получающагося вслѣдствіе автоматическихъ передвиженій механизма, невидимыхъ считающему, притомъ же довольно сложный и тонкій механизмъ подверженъ порчу. Такіе недостатки машины, при ея значительной стоимости (около 400 руб.), конечно не могутъ служить къ ея большому распространенію.

Послѣ появленія помянутой машины, дѣлались различные попытки въ томъ же направленіи, и наконецъ на послѣднюю Парижскую всемирную выставку 1878 г. представлены были нашимъ соотечественникомъ Ю. И. Дьяковымъ модели, уже не машины, а двухъ приборовъ, поразительно простаго устройства, изъ коихъ одинъ, здѣсь, названъ изобрѣтателемъ: новыми русскими счетами, а другой—множителемъ. Этотъ второй приборъ въ послѣднее время изобрѣтатель замѣнилъ новою подвижною таблицею умноженія, простота устройства которой доведена до послѣдней крайности, такъ что даже, по отзывамъ специалистовъ, идти некуда.

Достоинства этихъ приборовъ состоять въ томъ, что, при

Самодѣйствующій комнатный фонтанъ.

Новые счеты Ю. Дьякова.

крайней простотѣ ихъ устройства, за которую они и были на-
граждены на помянутой выставкѣ медалью, и небольшой сто-
имости *), они вполнѣ гарантируютъ вѣрность выкладокъ; всѣ
дѣйствія, самаго простаго притомъ характера, происходять на
глазахъ у считающаго. Взятые вмѣстѣ, они вполнѣ замѣняютъ
машину Тома, для производства 4-хъ ариѳметическихъ дѣй-
ствій безъ помощи карандаша и бумаги. Таблица можетъ быть
употребляема и отдельно, для умноженія и дѣленія.

Обращеніе съ этимъ приборомъ такъ просто, что лица, не
имѣвшія въ рукахъ никакихъ счетовъ, могутъ на немъ считать.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ металлические счеты,
уютный и довольно изящный приборчикъ, около 4-хъ вершковъ
шириною, до 6 ти вершк. длиною, и менѣе $\frac{1}{2}$ вершка толщи-
ною. Темныя полосы съ цифрами изображаютъ неподвижная

части прибора; въ натурѣ онѣ имѣютъ разные цвѣта, по разря-
дамъ нумерациі, и на нихъ четко отпечатаны цифры и бук-
вы, означающія разныя количества, напр. 40 тысячъ, 2 рубля,
 $\frac{1}{2}$ копѣйки и т. п. Это суть *данныя*, для сложенія, количества;
каждое изъ нихъ, следовательно, имѣеть на счетахъ свое опре-
дѣленное и *постоянное* мѣсто. Свѣтлыя полосы съ цифрами
обозначаютъ на рисункѣ подвижная безконечныя ленты, съ
возвышеніями между цифрами для упора пальцевъ.

Все дѣйствіе ограничивается тѣмъ, что для *прибавленія*, на-
примѣръ, количества: 40 тысячъ, ставить палецъ на ленту око-
ло знака 40 т. и придвигаютъ этотъ палецъ къ себѣ до упора
въ край рамки счетовъ. Вдоль этого края, на лентахъ, прямо *чи-
тается* результаты. На рисункѣ изображенъ результатъ: 8435961
руб. $78\frac{1}{2}$ коп. Изобрѣтателю выдана 10-ти-лѣтняя привилегія.

Политическое обозрѣніе.

Свиданіе между Германскимъ императоромъ и Австрійской императорской четой.—Маневры германскихъ войскъ.—Европейская вооруженія.—Генераль Бріальмонъ и Румынія.—Свиданіе Бельгійского и Голландскаго королей.—Франція.—Испанія.—Черногорія.

Императоры Германскій и Австро-Венгерскій, какъ извѣстно, видаются каждое лѣто; и на этотъ разъ императоръ Вильгельмъ выразилъ желаніе привѣтствовать императрицу Австрійскую въ Ишль; во избѣженіе утомленія путешествіемъ, ея величество просила передать, что она приметъ, вмѣстѣ со своимъ супругомъ, императора Вильгельма въ Зальцбургъ, на его обратномъ пути въ Германію; но отклонивъ предложеніе, онъ настоялъ на томъ, что свиданіе состоится въ Ишль; и сначала императоръ, по окончаніи курса лечения въ Гаштайнѣ, проѣдетъ въ Зальцбургъ, для того чтобы сдѣлать визитъ одной изъ нидерландскихъ принцессъ, а потомъ, на другой день—въ Ишль, гдѣ подготавляется народный спектакль. Германское правительство старается—что, конечно, весьма понятно—сострѣ-
доточить въ рукахъ центральной власти всѣ, такъ сказать, военные способы, всѣ военные средства, все то, что необходимо власти вообще для веденія войны, въ томъ или иномъ видѣ; въ этомъ отношеніи много уже и сдѣлано; недавно въ Берлинѣ распространился слухъ, будто прусскій министръ публичныхъ работъ, Майбахъ, предполагалъ войти съ предложеніемъ о подчиненіи всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ союзныхъ германскихъ государствахъ высшему имперскому управлению; ходили даже толки объ образованіи министерства желѣзныхъ дорогъ, но „Сѣверогерманская газета“ (считающаяся органомъ князя Бисмарка) категорически опровергла эти слухи. Осенью будутъ происходить большия маневры между Оберурзелемъ и Гафеймомъ, а затѣмъ, императоръ произведетъ общій смотръ тѣмъ же войскамъ (11-го корпуса) у Франкfurta-na-Mайнѣ; на маневрахъ будутъ присутствовать испанскій король, принцъ Уэльскій и многие иностранные генералы и офицеры; 1-й Баварскій корпусъ будетъ маневрировать подъ главнымъ руководствомъ наследника германскаго принца, 1-ю же дивизіей въ этомъ корпусѣ—командовать—зять императора Австрійскаго, принцъ Леопольдъ Баварскій; въ Грауденцѣ будутъ произведены примѣрные осадные маневры, въ которыхъ примутъ участіе 8 саперныхъ батальоновъ, подъ командой генерала фонъ-Адлера. Кстати скажемъ, что европейскія державы продолжаютъ вооруженія. Такъ, между прочимъ, Германія предполагаетъ увеличить число баттарей въ конно-артиллерійскихъ полкахъ съ 8-ми до 12-ти; Австро-Венгерское военное министерство предполагаетъ сформировать горную артиллерійскую бригаду при 15 армейскомъ корпусѣ; Франція также занята усиленіемъ своей артиллеріи; Италія увеличила число батальоновъ крѣпостныхъ артиллерійскихъ полковъ съ 4-хъ на 5, и, кромѣ того, вновь сформированы двѣ конно-артиллерійскія бригады. О вооруженіяхъ Румыніи мы уже говорили, говорили также и о томъ, что Румынія обратилась къ бельгійскому инженерному генералу Бріальмону, пользующемуся извѣстностью одного изъ лучшихъ военныхъ инженеровъ. Теперь оказывается, что Бельгійское правительство очень недовольно поѣздкой Бріальмона въ Румынію и его дѣятельностью тамъ, а потому, признавая ее безактной въ политическомъ отношеніи, правительство предложило ему выйти въ отставку. По мнѣнію, однако, румынъ, главная причина тутъ иная, а именно—нерасположеніе, будто бы, къ Бріальмону военнаго министра Гратри, но не обошлось и безъ заграничныхъ интригъ, какъ увѣряютъ тѣ же румыны. Какъ только въ Бухарестѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что генераль Бріальмонъ уволенъ своимъ правительствомъ отъ службы—общее мнѣніе было за то, чтобы его приняли въ румынскую военную службу; говорятъ, что ему и предложена должность инспектора крѣпостныхъ работъ. Приводили иѣкоторыя подробности визита, который король и королева Голландіи сдѣлали королевской четѣ сосѣдней Бельгії. Со времени войны 1830 года—какъ мы уже говорили—эти дворы чуждались другъ друга и теперь государи обоихъ королевствъ въ первые встрѣтились и очень дружелюбно. Король Голландіи Вильгельмъ и его супруга, королева Эмма, пробывъ иѣкоторое время въ

своемъ дворцѣ въ герцогствѣ Люксембургскомъ, прѣѣхали въ Спа почти въ полдень; народонаселеніе и безчисленные посты-
тели въ громадномъ количествѣ и восторженно привѣтство-
вали царственныхъ гостей, которые остановились въ Британ-
скомъ отелѣ, гдѣ завтракали съ королемъ и королевой Бель-
гійскими, проводившими ихъ затѣмъ обратно на станцію. Въ Бельгіи и Голландіи свиданіе произвело очень хорошее впечат-
леніе, тѣмъ болѣе, что его считаютъ первымъ шагомъ къ союзу.

Въ другой сосѣдней Бельгіи странѣ—въ „прекрасной Фран-
ціи“—новый переполохъ: тамъ открытъ легитимистский заговоръ,
открыты комитеты, располагающіе значительными средствами
и руководимые вождями легитимистской партіи; республикан-
ское правительство назначило немедленно же слѣдствіе, ко-
торое поручено прокурору Леву; по всему видно, что явленіе,
не разъ уже указанное нами читателямъ, а именно усиленіе
монархического элемента во Франціи, все болѣе и болѣе даетъ
о себѣ знать; Франція—повторяясь—устала отъ республикан-
ского эксперимента и жаждетъ прочнаго порядка и законной,
а не случайной власти „случайныхъ“ людей; сами друзья ре-
спублики, друзья этой формы правленія, динамитчики—продол-
жаютъ подкальваться подъ нее и въ видѣ мѣры противъ
нихъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ—Руссо, издалъ
циркуляръ, которымъ объявлено, что всякая газета, гдѣ поя-
вится рецептъ состава взрывчатыхъ и воспламеняющихся ве-
ществъ, будетъ конфискована, а издатель, редакторъ и типо-
графщикъ—привлечены къ отвѣтственности. Въ Китайско-
аннамскомъ вопросѣ французы все еще продолжаютъ не дви-
гаться; единственными новизнами въ немъ являются одно дру-
гое опровергающія извѣстія: то Франція сходится съ Китаемъ,
то на соглашеніе нечего и разсчитывать; Ли-Кунгъ-Чангъ, ко-
торый вѣль переговоры съ французами, уѣхалъ, какъ уже мы
знаемъ, впрочемъ; отѣзгъ этотъ французы объясняютъ, однако,
не прекращениемъ отношеній, а оказывается, „что переговоры
въ Шанхаѣ не имѣли офиціального характера, такъ какъ
Трику не были еще доставлены его вѣрительные грамоты и
Ли-Кунгъ-Чангъ не получалъ специального полномочія на ре-
шеніе вопроса; на него были возложены военные приготовле-
нія, а потому, командуя войсками въ трехъ южныхъ провин-
ціяхъ, онъ избралъ своей временной главной квартирой Шан-
хай, гдѣ и встрѣтилъ Трику, отправлявшагося изъ Японіи въ
Пекинъ; французскій же посланникъ, зная положеніе и вліяніе
китайскаго государственного человека, предложилъ ему
обмѣняться мыслями по спорному вопросу. Ли-Кунгъ-Чангъ
согласился на это, вслѣдствіе чего и начались переговоры, не
имѣвшіе никакихъ результатовъ; но офиціальная обязанно-
сти Ли-Кунгъ-Чанга заключались въ командованіи и завѣдыва-
ніи военнымъ дѣломъ, но не дипломатической частью, и его
неудачные переговоры съ Трику не могутъ имѣть вліянія на
ходъ всего дѣла“. Какъ это, подумаешь, просто происходит въ
великихъ дипломатическихъ вопросахъ: точно случайно встрѣ-
тились, зашли выпить чашку отличного китайскаго чая и пере-
говорили—быть или не быть франко-китайской войнѣ! Ли-Кунгъ-
Чангъ, однако, не поѣхалъ изъ Пекина назадъ въ Шанхай,
куда назначенъ другой мандаринъ; Аннамскій король Ту-Дукъ
умеръ и на престолъ вступилъ его наследникъ, болѣе миролю-
биваго настроенія, но какое это вліяніе окажеть на весь во-
прос—еще не видно.

Къ „тройственному“ союзу пристала, повидимому, и Испанія; выше мы видѣли, что король Альфонсъ будетъ присутствовать на маневрахъ германскихъ войскъ; но, конечно, дѣло не въ маневрахъ... Понятно, для Франціи едва ли пріятно имѣть въ столѣ близкомъ состоящѣ другаго южнаго союзника Германіи. Испанскіе „республиканцы“, которымъ надоѣлъ порядокъ и спокойствіе, дарованные имъ странѣ королевской властью, устроили въ Бадахосѣ „пронунсаменто“: толпа въ 1100 ч. арестовала начальствующихъ лицъ, овладѣла таможеннымъ по-
стомъ, но двинутыя туда войска разсѣли ее и порядокъ возобновленъ; иѣкоторые изъ бунтовавшихъ бросились къ Порту-
гальской границѣ, но имъ не удалось, повидимому, проникнуть туда.

Князь Черногорскій ёдетъ въ Константинополь для уладенія возникшихъ между ними недоразумѣній—вѣроятно все и уладится.

* Въ Петербургѣ, въ извѣстномъ магазинѣ учебныхъ пособій Фену и комп., на Невскомъ пр., въ домѣ Армянской церкви, цена обоихъ приборовъ вмѣстѣ—отъ 4-хъ рублей.

С М Ъ С Ъ.

Дифтеритъ. По мнѣнію д-ра Франклина Стаплъса, дифтеритъ принадлежитъ къ числу заразительныхъ, прилипчивыхъ болѣзней. Доказаннымъ же усиленіемъ своимъ онъ обязанъ безопасности врачей относительно этихъ его свойствъ; недостатку систематической дїэты для одѣжимыхъ имъ; неполной дезинфекціи (обеззараживание) того, чего коснулось его вліяніе и, наконецъ, хотя это еще и не послѣдняя причина, частому столкновенію здоровыхъ съ выздоравливающими и даже больными. Онъ полагаетъ, что строгія правила, установленные по этимъ пунктамъ и тщательно примѣняемые, единственно способны положить конецъ начавшемуся распространенію страшной болѣзни; что для этого, тамъ где слаба воля отдельныхъ личностей, долженъ быть организованъ общественный санитарный надзоръ и преподаваемы санитарныя правила населенію. Говоря о способахъ предохраненія отъ заразы, онъ думаетъ, что нечистота, происходящая отъ грязныхъ комнатъ, бѣлья, дурная водосточная трубы и помойная ямы, недостаточно хорошо провѣтриваемы комнаты, ядовитые вонючие газы и т. п. составляютъ условія, благопріятствующія развитію заразы; что комната больного, изолированная отъ другихъ, не должна заключать въ себѣ, безъ особой надобности, мебели, занавѣсокъ, ковровъ и пр.; что всѣ выдѣленія больного изъ носа, рта и пр. должны быть собираемы въ одно мѣсто и тщательно уничтожаемы; бѣлье и одежда больного должны быть подвергаемы строжайшей дезинфекціи, прежде отдачи въ стирку вмѣстѣ съ прочимъ. Въ случаѣ смерти, одежда и всѣ предметы, къ которымъ прикасался больной, должны быть сожжены, трупъ тотчасъ же дезинфицированъ и положенъ въ гробъ, плотно закрываемый. Публичныхъ похоронъ необходимо избѣгать. Для дезинфекціи рекомендуется хлорный газъ, свободно распространяемый по комнатѣ. За неисполненіемъ же этихъ правилъ, трудно надѣяться на скорое прекращеніе заразы,—наоборотъ.

Скандинавскій Колумбъ. Въ одномъ изъ недавнихъ номеровъ нашего журнала мы помѣстили краткій очеркъ жизни и заслугъ Христофора Колумба, вмѣстѣ съ рисункомъ памятника, воздвигнутого ему въ Мадрите. Но не всѣмъ известно, что на дальнемъ сѣверѣ съвѣтъ хранится преданіе о другомъ, скандинавскомъ Колумбѣ—Лейфѣ Эриксонѣ, который, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, открылъ Америку еще въ 1000 году. Слава его конечно не затмить никогда славы знаменитаго генуэзца, несмотря даже на всѣ доказательства скандинавскихъ ученыхъ и ихъ историческіе выводы. Извѣстно, полагаемъ, что Эринъ Красный открылъ Гренландію въ 984 году. Два года спустя, скандинавскій мореплаватель Біорнъ Герріульсонъ отправился въ Гренландію на кораблѣ съ 25 человѣкъ экипажа, но на пути былъ застигнутъ бурею и брошенъ къ берегамъ Сѣверной Америки; но онъ не посмѣлъ пристать къ нимъ. Послѣ этого путешествія прошло 40 лѣтъ и попытка пристать къ берегамъ Америки не возобновлялась; наконецъ ее задумалъ повторить сынъ Эрина Краснаго Лейфъ Эриксонъ, который и вышелъ въ 1000 году на берегъ близь Фолль Ривера въ Массачусетсѣ. Съ этого времени норманы поддерживали сношенія съ Новымъ Свѣтомъ, который они называли Винеландъ, т. е. земной виноградъ. Два года спустя Торевальдъ Эриксонъ (можетъ быть братъ Лейфа Эриксона) былъ убитъ въ битвѣ однимъ индѣйскимъ вождемъ и погребенъ въ своемъ вооруженіи близь одного мыса, который называется теперь Гарнатъ Просить.

Около 1840 года этотъ скелетъ былъ найденъ и остатки его вооруженія были посланы для изслѣдованія Барцеліусу. Этотъ учѣный открылъ, что химическій составъ желѣза совершенно одинаковъ, какъ и другихъ предметовъ вооруженія той же эпохи, сохранимыхъ въ сѣверныхъ музеяхъ. Подобный же разсказъ сохранился въ лѣтописныхъ легендахъ Адама Брамянскаго и кромѣ того въ рунническихъ надписяхъ. Побѣды, сдѣланныя норманами въ странахъ болѣе богатыхъ и болѣе просвѣщенныхъ, и были главною причиной, что мало по малу ослабѣли и наконецъ совершенно прервались ихъ отношенія съ американскими материкомъ. Какъ кажется, они прекратились послѣ опустошеній знаменитой черной смерти, похитившей девять десятыхъ изъ жителей Норвегіи и уменьшившей ея многочисленное населеніе до 300,000. Самъ Колумбъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ, что онъ поѣхалъ Исландію въ 1477 году; можетъ быть въ это путешествіе онъ собралъ здѣсь тѣ преданія, которая еще не могли быть забыты. Эти-то преданія, можетъ быть, поддержали его увѣренность и дали ему силу преодолѣть всѣ тѣ препятствія, которая онъ встрѣчалъ повсюду, прежде нежели могъ сообщить свои завѣтныя убѣжденія Изабеллѣ и Фердинанду.

Поддѣлка кофе. Любителей настоящаго, хорошаго кофе ожидаетъ немалое разочарованіе. Химикъ Сорнани въ Павіи сообщаетъ, что онъ открылъ совершенно новую и важную поддѣлку кофе, которая заключается въ искусственномъ приготовленіи кофейныхъ зеренъ. Эти зерна состоятъ изъ муки, приготовленной изъ бобовъ и желудей и смѣшанной съ цикориемъ и небольшимъ количествомъ кварцеваго песку, чтобы дать смѣси необходимую специфическую тяжесть. Тѣсто приготовленное изъ этихъ составныхъ частей, наряжается потомъ особенной машиной круглыми зернышками, имѣющими полное сходство съ кофейными, а послѣ высушки даже вполнѣ пріобрѣтающими и ихъ цветъ. Сорнани говоритъ, что онъ нашелъ поддѣлъ кофейныхъ зерна въ такомъ большомъ количествѣ, что на сто настоящихъ приходилось пятьдесятъ поддѣлъныхъ. При

поджариваніи поддѣлъный кофе пріобрѣтаетъ ту же самую окраску, какъ и настоящій, но онъ легко узнается при опусканіи его въ воду, такъ какъ при этомъ поддѣлъные зерна быстро распадаются на кусочки.

Подземная работа животныхъ. Семьсотъ муловъ употребляется ежедневно для работы въ Филадельфіи, въ шахтахъ общества, учрежденного здѣсь для добыванія каменнаго угля и желѣза. Во многихъ шахтахъ мулы не видятъ дневнаго свѣта въ продолженіи цѣлаго года, и часто мулъ проводить цѣляя десять лѣтъ жизни въ подземной работѣ. Такіе мулы, выведенные на свѣтъ, обыкновенно поражаются слѣпотою. Во многихъ случаяхъ слѣпота эта продолжается очень долго; внезапное дѣйствіе свѣта не выносится глазами животнаго; но вообще такие мулы страдаютъ слѣпотою нѣсколько дней, при чёмъ все таки могутъ кой какъ найти дорогу къ кадкамъ съ пищей. Къ концу недѣли способность зрѣнія возвращается и животное снова дѣлается веселымъ, что и выражается обыкновенно у него громкимъ крикомъ и частымъ подниманіемъ хвоста.

Натуральное шампанское. Въ Триполисѣ, весной, когда деревья покрываются зеленью, и старъ и младъ отправляются въ лѣса; одинъ изъ мужчинъ, вооруженный топоромъ, влѣзаетъ до самой верхушки гибкой, стройной пальмы. Тамъ, наверху, обрубаетъ онъ всѣ прекрасныя вѣтви, оставляетъ только четыре изъ нихъ; къ одной изъ вѣтвей привязываетъ канатъ, оба конца которого спускаются къ землѣ, а между двумя другими вѣтвями, онъ дѣлаетъ въ стволѣ глубокій надрѣзъ. Затѣмъ спустившись внизъ и прикрѣпивъ къ одному изъ концовъ каната кувшинъ съ длиннымъ горлышкомъ, втягиваетъ его вверхъ, где оставляетъ висѣть прямо подъ надрѣзомъ. Чрезъ двѣнадцать часовъ кувшинъ опускается и замѣняется другимъ. Первый оказывается наполненнымъ блѣдно-желтой жидкостью. Это свѣжее „лакби“, беззѣкунскій, сахаристый сокъ, служащий легкимъ слабительнымъ средствомъ. Спустя нѣсколько часовъ, въ кувшинѣ начинается броженіе, сокъ становится свѣтлѣе и будто кипитъ. Наверхъ поднимаются маленькие пузырьки, замѣняется пѣна. На вкусъ оно напоминаетъ тончайшее шипучее вино, но оно не опьяняетъ, а только возбуждаетъ въ тѣлѣ пріятную теплоту. Съ полдня спустя, однако, этотъ пріятный напитокъ становится блѣдымъ и густымъ какъ молоко, пріобрѣтаетъ сильный, своеобразный запахъ и слегка кисловатый вкусъ и тогда опьяняетъ какъ водка. Магометане чрезвычайно любятъ „лакби“, и всякий добрый мусульманъ, съ ужасомъ отворачивающійся отъ стакана вина, въ тоже время, безъ малѣйшей застѣнчивости, при всѣхъ, выпиваетъ свою чашку „лакби“, такъ какъ это вѣдь только „пальмовая вода!“ Ему надо выпить весь кувшинъ до дна, иначе на другой же день, вмѣсто прекраснаго напитка, онъ найдетъ тамъ противную сахаристую жидкость, покрытую красноватыми мухами.

Движеніе экипажей по парижскимъ улицамъ. Съ 1-го мая 1881 года по 20-е апрѣля 1882, т. е. въ продолженіи почти года, управление путями сообщенія вело по возможности точную статистику экипажамъ, повозкамъ и лошадямъ, которая проѣзжаютъ въ теченіе сутокъ по улицамъ Парижа. Эти наблюденія дали довольно интересные результаты, особенно для главныхъ улицъ. Такъ въ улицѣ Оперы проѣзжаютъ ежедневно среднимъ числомъ 29,460 экипажей и 36,185 лошадей; по бульвару Магдалины 17,524 экипажа и 21,236 лошадей; въ улицѣ Риволи 42,875 экипажей и 53,434 лошади и т. д. Самая бѣдная по числѣ проѣзжающихъ по ней экипажей и лошадей оказалась улица Шалья: въ ней насчитано было лишь 352 экипажа и 401 лошадь.

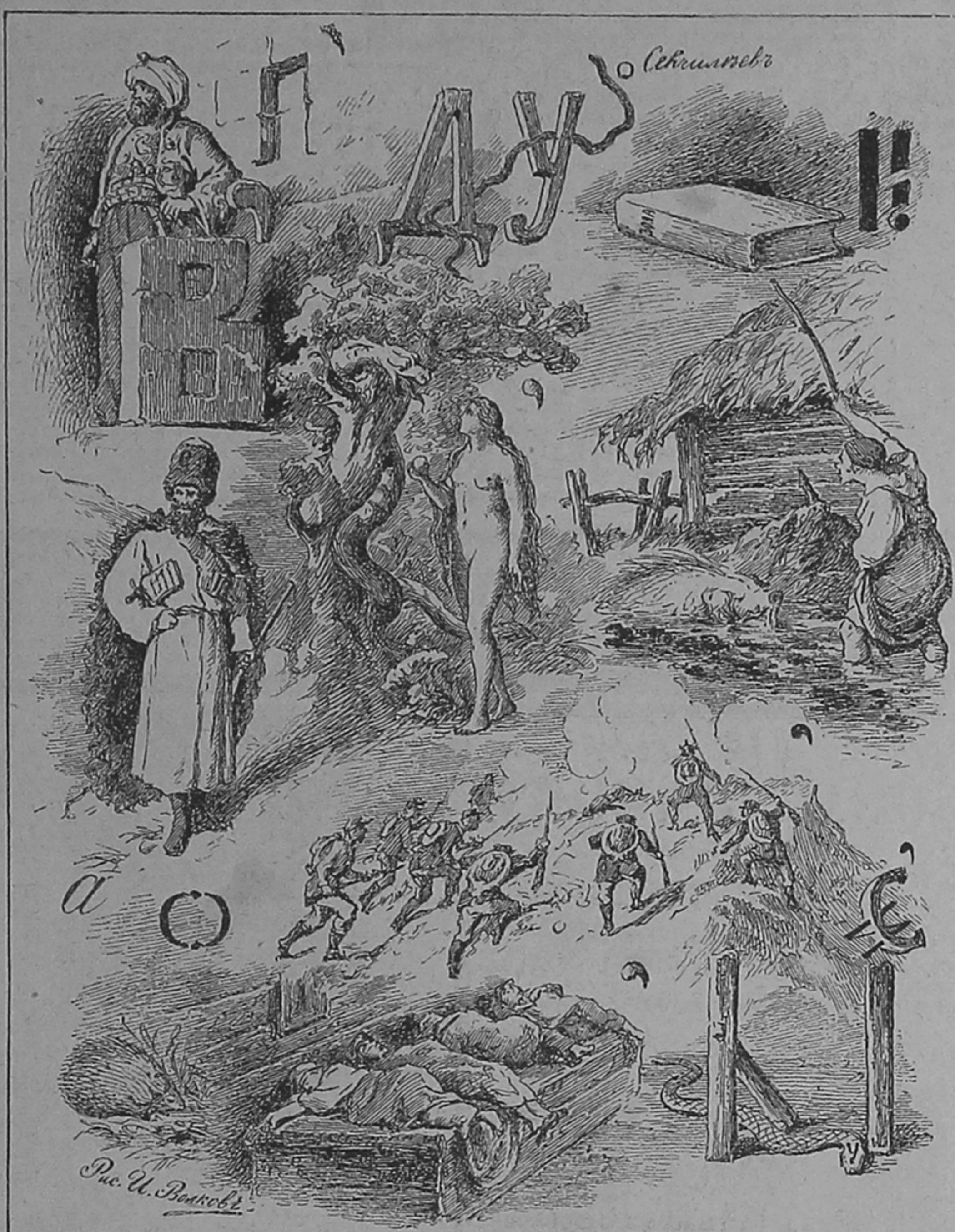
Такого рода исчислениія возобновляются каждыя 20 лѣтъ; предшествующая была произведена въ 1858 году.

Электрическія желѣзныя дороги, построенные теперь въ разныхъ странахъ, занимаютъ еще очень скромное протяженіе:

Въ Германии отъ Лихтерфельда и Шпандауеръ-Бока въ Шарлоттенбургъ близь Берлина (9,3 кил.), въ Ирландіи отъ порта Руша въ Бушъ-Милисъ (18 кил.), въ Голландіи линія отъ Зандворта до Костверлорена (2,1). Кромѣ того уже разрѣшены и строятся слѣдующія линіи: въ Австріи линія отъ Медлинга близь Вѣны (2,5 к.), въ Германии отъ Висбадена до Нюренберга и отъ Саксонскихъ королевскихъ рудъ въ Занкероде (2 к.), въ Англіи въ Лондонѣ, линія отъ Чарингъ Кросса до Ватерлоо (1,2) и въ герцогствѣ Уэльскомъ (60,0). Въ Италии скоро будетъ проведена линія изъ Туринѣ въ Миланъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ компанія Эдисона берется эксплуатировать посредствомъ электричества одну изъ главныхъ правительственныхъ линій на протяженіи 80 кил. Кромѣ того въ Санть-Луїсѣ нѣкто Гуснеръ также строить электрическую желѣзную дорогу (1,7).

Русскій вѣнокъ Рафаэлю. 1-го (13-го) іюля, въ римскомъ Пантеонѣ происходила интересная церемонія. Г. Шевичъ, русскій поѣздѣній въ дѣлахъ въ Римѣ, занимавшій должность барона Икскуля, находящагося въ отпуску, отправился въ Пантеонъ, съ депутацией живущихъ въ Римѣ русскихъ художниковъ, и вручилъ сенатору Фюрелли, генеральному инспектору раскопокъ, великолѣпный серебряный вѣнокъ, предназначенный для гробницы Рафаэля. Этотъ вѣнокъ—подарокъ спб. академіи художествъ, президентомъ которой состоитъ Е. В. великій князь Владімѣр Александровичъ. На вѣнкѣ вырѣзана латинская надпись, свидѣтельствующая, что онъ посвященъ памяти безсмертнаго Рафаэля.

РЕБУСЪ. Задача № 42.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА
Л. И. АЛЬКИСТА и В. Н. НИКОЛАЕВА.
Симеоновский пер., противъ Моховой, д. № 5.

Премъ съ 15 Августа ежедневно отъ 4 до 7 час. вечера. Плата отъ 5 руб. сер. въ мѣсяцъ, смотря по предмету и по числу уроковъ въ недѣлю. Классы начинаются 1-го Сентября. Безд. № 24 1—1

Отъ реального училища

К. Н. Мазинга въ Москвѣ.

(Между Вознесенкой и Знаменкой, Ваганьковский переулокъ, домъ Куманина). Въ маѣ сего года подвергались экзамену и удостоены аттестата объ окончаніи курса реального училища 10 учениковъ; кромѣ того 11 учениковъ химико-техническаго отдѣленія получили свидѣтельства объ окончаніи курса дополнительного класса.

Ученики всѣхъ классовъ пользуются правами казенныхъ реальныхъ училищъ.

Воспитанники принимаются приходящими и пансионерами. Училище состоитъ изъ 6 нормальныхъ классовъ, дополнительного съ двумя отдѣленіями: общимъ и химико-техническимъ и приготовительного класса.

Ц. № 2738 3—2

ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ
ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 г.

Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьевъ — „Вольтеръянецъ“, больш. романъ Іокая — „Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго) — „Подъ землею“, пов. Австенъко „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологии, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того бесплатная ПРЕМІЯ: большая олeографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якобія — „Дорогой гость“.

Цѣна этому большому тому:

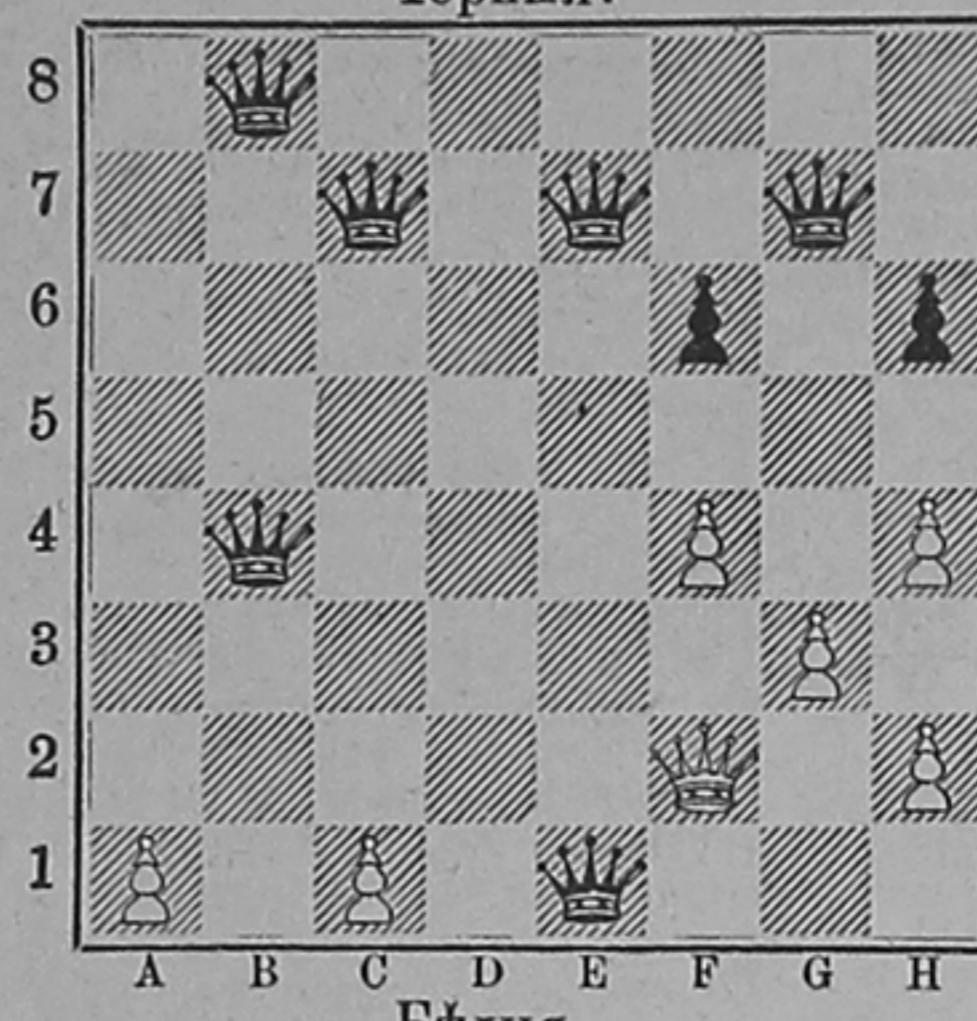
Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Шашечная задача № 43.

К. Цѣхановича.

Черныя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ въ 8 ходовъ.

Задача магического креста № 44.

a	a	a					
a	a	a					
a	a	a	в	д	д		
к	к	л	н	н	о	о	
о	о	о	о	п	п	р	
			р	с	с		
			т	т	ф		

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. ино-городныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать **28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

СОДЕРЖАНИЕ: Георгъ I, король Эллиновъ (съ портр.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Исторический романъ Всеволода Соловьевъ. Часть первая. (Продолженіе). Гл. XXV и XXVI.—Полковникъ изъ Золотоноши. Историческая повѣсть А. Н. Кирилова. (Продолженіе).—Объ истребленіи саранчи. (Изъ воспомин. прошлаго). А. Зарина.—Пр. Несторъ, епископъ Алеутскій (съ портр.).—Пѣвица (съ рис.).—Уженѣ рыбы (съ рис.).—Древнія ворота въ Гаарлемѣ (съ рис.).—Гора Тепекерменъ близъ Чуфутъ-Кале (съ рис.).—Шлиссельбургъ. Древнія икона Казанской Божіей Матери (съ рис.).—Самодѣйствующій комнатный фонтанъ (съ рис.).—Новые счеты Ю. Дьякова (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Игры и задачи.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЬ 1883 г., съ 22 рис. и отдѣльн. листомъ съ 24 рис. рукодѣльн. работъ и 25 выкройками въ натуральную величину.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ № 9.

„ВОЛЬТЕРЪЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,

Всеволода Соловьевъ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. ино-город. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленкоровомъ переплѣтѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. ино-город, 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнымъ подписчикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтеръянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе брошюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.; въ каленкор. переплѣтѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, Всеволода Соловьевъ. Большой томъ въ 8—всего 672 стр., печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатанаго въ „НИВѢ“ романа „Вольтеръянца“, цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригиналномъ каленкоровомъ переплѣтѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣнѣ частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, Гальманинъ продаєтся въ аптекахъ, а также у дроgistовъ значительнейшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи. Главное депо находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармациіи В. Карпинскаго, улица Электротелефонная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к. Нужно остерегаться поддѣлокъ и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г. В. Карпинскій магистръ фармациіи.

1883 года.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ 44-й годъ.

Музикальный журналъ для фортепіано съ „Музикально-театральною газетою“. Выходитъ ежемѣсячно. Годовое изданіе „НУВЕЛЛИСТА“ содержитъ въ себѣ 85 любимыхъ избранныхъ салонныхъ пьесъ, новыхъ танцевъ, русскихъ романсовъ, „Музикально-Театральную Газету“ и премію.

Подписанія цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р. Контора редакціи СПБургъ, Невскій пр., № 10. Подписчики получаютъ всѣ вышедшия номера.

№ 2769

Редакторъ-Издатель Н. Бернардъ.

въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 17 и 18,

ПРОДАЮСЯ слѣдующія книги:

Анатомическій атласъ лошади

и другихъ животныхъ. Необходимое и полезное руководство для анатомовъ, ветеринарныхъ врачей и студентовъ ветеринарной медицины, а также и для всякаго любителя лошадей и животныхъ вообще. Составлено докторомъ Лейзерингомъ, проф. анатоми, съ 43 таблицами рисунковъ. Переводъ магистра Л. Буссе. Въ листъ. Ц. 15 р., съ пер. 17 р. Книга эта по своимъ достоинствамъ заслужила себѣ не только одобрение со стороны извѣстныхъ ученыхъ, но и пользуется наибольшимъ распространениемъ въ Германи, Франціи, Англіи и Россіи.

Наставлѣніе для выбора и выѣзди

верховыхъ лошадей, равно какъ для искусной верховойъ езды кавалеровъ и дамъ. 12 д. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Это скажи сводъ правилъ, такъ называемой, берейторской науки, съ присовокупленіемъ указаний для усъщнаго изученія всѣхъ свойствъ, требуемыхъ отъ хорошей верховойъ лошади и правильной выѣзди ея. Хотя наставление это не принадлежитъ къ числу новѣйшихъ брошюръ по данному вопросу, тѣмъ не менѣе оно останется не безъ пользы для читателя.

ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ

въ самомъ богатомъ и изящномъ выборѣ начиная съ 40 пфениг. за 100 штуку высылаются

KÜHN & RICHTER

Leipzig-Reudnitz, Kohlgartenstr. 6.

Образцы для агентовъ бесплатно и франко. S. № 2754 3-3

Первая Русская Школа для изученія зубоврачебного искусства

Ф. ВАЖИНСКАГО.

Принимаетъ слушателей обоего пола. — Курсъ 2½ года. Стоимость всего курса 240 руб. Плата по полугодію впередъ. Учебный годъ начинается съ 6-го Сентября. № 2733 5-4

Адресъ: Гороховая домъ № 16, Учредителю школы Ф. И. Важинскому — въ СПБургъ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЬ НОВЫЙ ПОЛНЫЙ ОРЕЙСЪ КУРАНТЬ

на англ. велосипеды 2-хъ и 3-хъ колесн. по-слѣдн. типа, специально выстроенныхъ для русскихъ дорогъ подъ названіемъ „РУССКІЙ КЛУБЪ“
Ж. Блокъ, представитель для всей Россіи.
Складъ американскихъ издѣлій:
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына.
С.-Петербургъ, Невск., № 16, уг. Б. Морской. Р. № 2736 2-4

ВЪ ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОГО КОРОНОВАНІЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ТАРЕЛКА,
никеллированная и позолоченная, артистично-художественной работы, съ рельефнымъ портретомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. № 2767 1-1

Въ магазинѣ Ф. В. ГУНЪ и К°, Гороховая ул., д. Корпуса, № 16. Цѣна 6 р., съ перес. въ провинцію 7 р.

САПОНАТЬ.

Мыло въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлья, цветныхъ матерій и кружевъ холдою (комнатной) водою. Стирка обходится вдвое дешевле. Кусокъ на 1½ п. сух. бѣлья 20 к. Продаются въ салонѣ производства: торговый домъ Ф. Стульгинскій и комп., Коломенская улица, д. 31; у гг. Штоль и Шмитъ; въ Россіи. Общ. въ Москвѣ, Варшавѣ, Харьковѣ и друг. гор. № 2765 4-1

M. № 2758 12-3

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ,

въ Москвѣ, на Петровкѣ, д. Михалкова, № 5,

Иппологія

или наука о лошади для сельскихъ хозяевъ, коннозаводчиковъ, частей кавалерийскихъ и въ особенности для юнкерскихъ училищъ, соч. Горюховцева. 8 д. л. Ц. 1 р. 30 к.; съ пер. 1 р. 50 к.—Краткое, но весьма практично составленное руководство, заключающее въ себѣ всѣ нужные свѣдѣнія.

Искусство кованія

здоровыхъ, больныхъ и порочныхъ кобыль; изложение главнѣйшихъ операций и описание инструментовъ, употребляемыхъ для этихъ руководствий. Соч. Буссе. Съ при- соединеніемъ рецептовъ для врачеванія конскихъ недуговъ. 2 т., съ атласомъ рисунковъ. 8 д. л. Ц. 10 р., съ пер. 12 р. Книга эта безотлагательно необходима не только для ветеринарныхъ врачей и специалистовъ, но даже для дальнейшихъ ученыхъ и усовершенствованій въ сельскомъ хозяйстве.

Книжные магазины Товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ имѣютъ на складѣ большой выборъ книгъ по части иппологии, ветеринарныхъ наукъ, сельского хозяйства, скотоводства, и вообще по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы. Полный каталогъ русскихъ книгъ — необходимое руководство для всѣхъ любителей и покупателей книгъ, объемистый и изящный. Правила конюшеннаго хозяйства

Практическое кованіе лошадей.

Соч. Ю. Штоля. Съ 70 рисунками. 8 д. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. Авторъ знакомить прежде всего съ устройствомъ, пинтаниемъ и рошнѣемъ копыта, объясняетъ виды кованія на него, говорить о выѣздахъ подковы, ея формѣ, видѣ, вѣсѣ и т. п. и излагаетъ различные способы кованія. Кто хочетъ узнать, какъ слѣдуетъ ковать лошадь, чтобы кованье служило ей въ пользу, тотъ найдетъ въ книгѣ г. Штоля самое подробное наставление, облегченное при томъ рисунками.

Производство кровн. коннозаводства

основанного какъ на самыхъ новѣйшихъ гипнотическихъ сочиненіяхъ, такъ и на опытной практикѣ извѣстнѣйшихъ отечественныхъ коннозаводчиковъ и знатоковъ коннозаводскаго дѣла. 12 д. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Въ небольшемъ объемѣ, книжка эта заключаетъ въ себѣ все относящееся до коннозаводства.

Метода берейторскаго искусства,

основанная на новыхъ началахъ. Соч. Боже. Переv. съ 10 изд. А. Пруссакова. 2-е изд. съ 14 рисунками и портретомъ автора. 8 д. л. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Метода эта извѣстна всему гипнотическому миру и разошлась во многихъ, многихъ изданіяхъ, какъ лучшее руководство въ этомъ родѣ.

Правила конюшеннаго хозяйства

или обязанности кучера и конюшеннай прислуги. Соч. маг. Пашкевича. 16 д. л. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. Настоящий трудъ заключаетъ въ себѣ правила для кучера и конюшеннай прислуги и кроме опытовъ имѣетъ еще основаніе въ познаніяхъ естественной исторіи и физиологии домашнихъ животныхъ. Весь трудъ основанъ на многолѣтней практикѣ знатока — специалиста.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Выборг. стор. Набер. В. Невы, № 11, С.-Петербург.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

усовершенствованной конструкціи наиболѣшаго материала, съ гидравлической склѣпкой, самой тщательной работе.

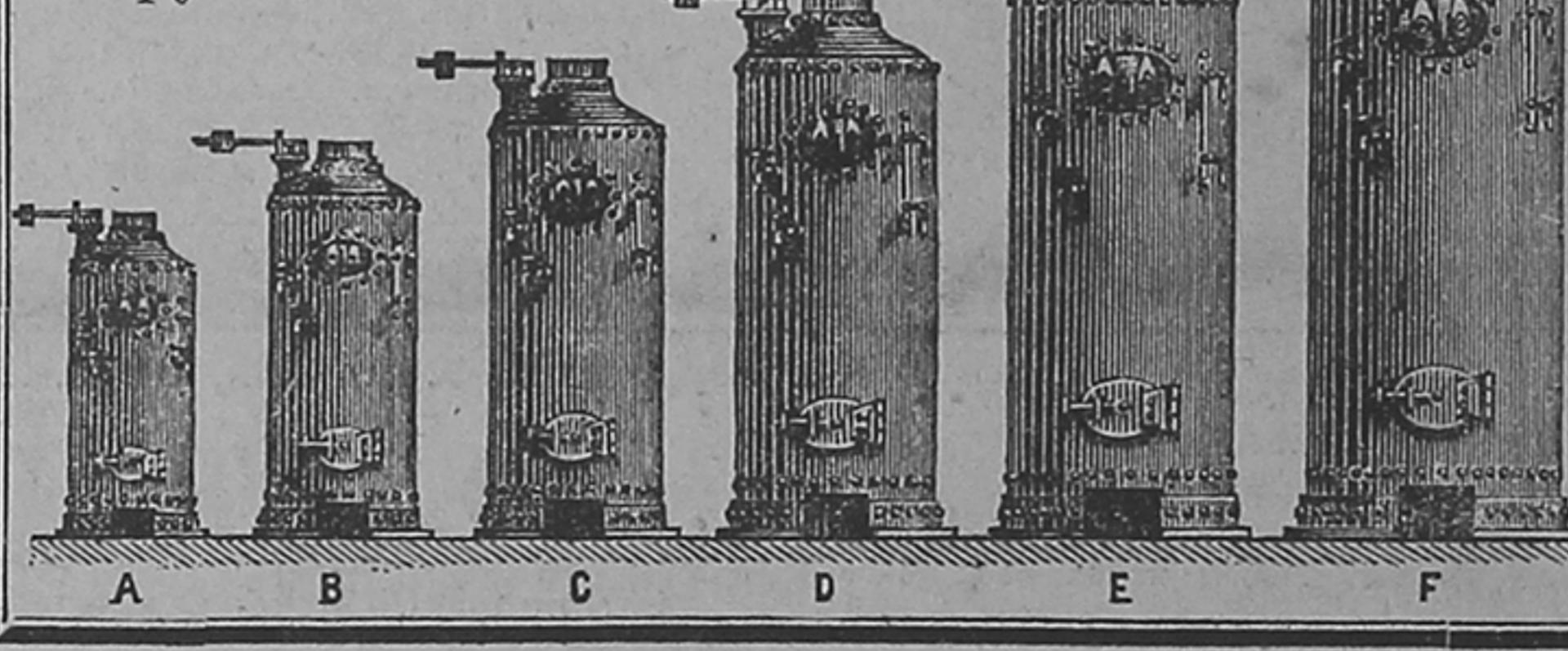
1882

1882

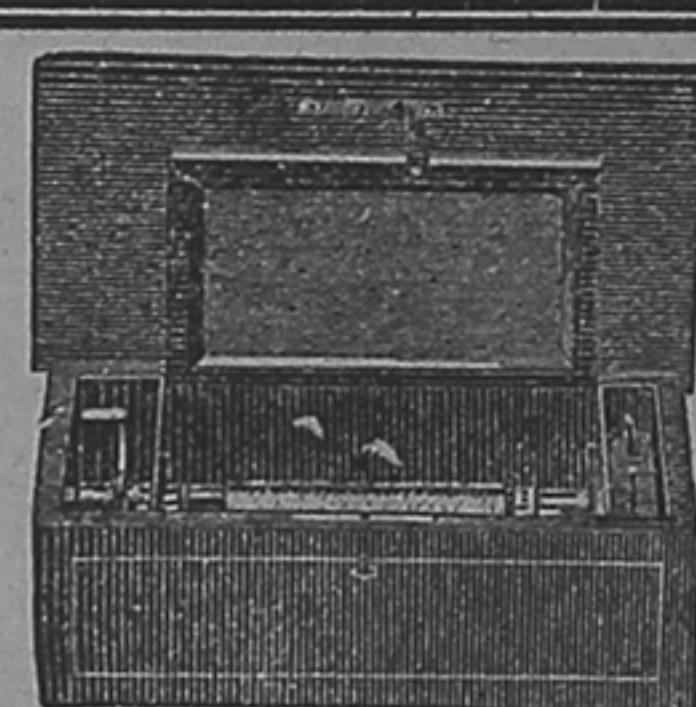
ГОТОВЫЯ И ВЪ ПОДГОТОВКѢ.

Прессованныя днища.

Трубы Галловэ.

№ 2704 10-1

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана
въ С.-Петербургѣ: Больш. Морская, № 42;
депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ
Торлецкаго.

Рекомендуетъ свой громадный выборъ всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, по весьма дешевымъ цѣнамъ. Подробный прѣсъ-курантъ въ „Нивѣ“ № 16, стр. 383, сего года.

A. № 2775.

ПѢСНИ ДЛЯ ШКОЛЫ детскія и народн. на 1 и 2 голоса. Цѣна 80 коп. ТРЕХГОЛОСНЫХЪ ХОРОВЫХЪ ПѢСНИ ДЛЯ ШКОЛЫ. Цѣна 75 к. Состав. Г. Мареничъ. Одобр. СПБ. Консерваторіей и Мин. Нар. Просв. № 2745 5-3

ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА СТАЛЬНОГО ПАРОВАГО КАТЕРА

силь 10.—Ходъ въ часъ 17 верстъ. Устройство весьма прочно и красиво. Вас. Остр. 9 липнія, д. 40, кв. 22. Р. № 2748 3-3

ПАНСІОНЪ С. С. ГОЛОВІНОЙ

у Покровскихъ воротъ, домъ Медынцева. Пріемныя испытания будуть производиться 18-го и 19-го августа. Начало ученія 24-го августа.

Воспитанницы принимаются живущими и приходящими. Пополнать программы и узнавать объ условіяхъ приема можно ежедневно въ помѣщеніи заведенія. П. № 2766 3-1

ЛЕОНИДЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОРЛЕНКО

Исполняетъ порученія по продажѣ, покупкѣ и залогѣ имѣній, домовъ и аптекъ, за умѣренное вознагражденіе. Москва, Большая Молчановка, д. Тюрина. № 2741 1-1

ГЕКТОГРАФЫ

отъ 3 р. 25 к. до 16 руб. Бумажный Гектографъ (сухой) 11 руб.

Складъ Гектографовъ А. Григорьевъ: С.-Петербургъ. Казначейская (бывш. Малая Мещанская), № 4. № 2770 2-1

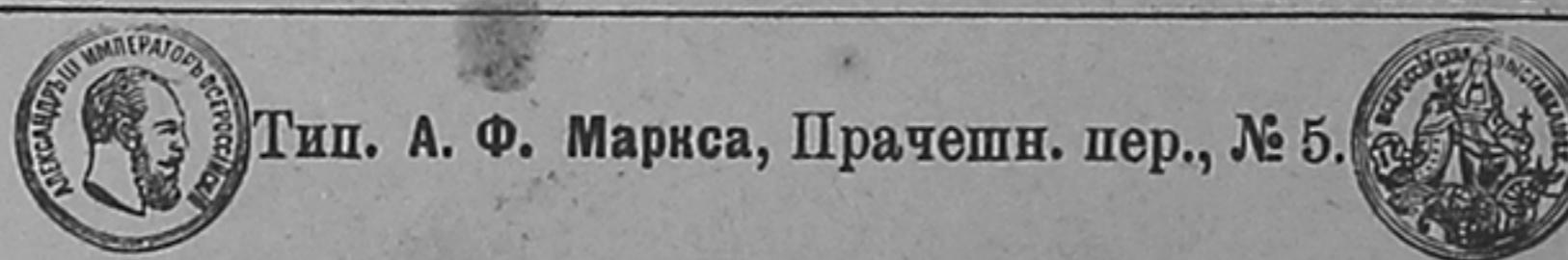
КЕФІРЪ, МОЛОЧНЫЕ ГРИБКИ,

сухой можно получать изъ Аптеки Больдта въ Пятигорскѣ. 1 фунтъ 40 р., 1 зол. 50 к. № 2771 1-1

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ФРИСТЕРЪ И РОСМАНЪ

признаны вездѣ наилучшими изъ существующихъ. Продаются во всѣхъ городахъ Имперіи. Главный складъ: Москва, Большая Лубянка, Варсонофьевский пер., д. № 15. Л. № 2774 4-1

Тип. А. Ф. Марка, Прачени. пер., № 5.